

ПЕРЕЗВОНЫ

О КИПРЕНСКИЙ

ПОРТРЕТЪ АЛЕКСАНДРА I.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

„PEREZVONY“

№ 39 (12) — 1927 г. Декабрь

Рига, Редакция и контора L. Kalēja ielā 43

Телефонъ 22176 и 23423

Цѣна номера 1 латъ (50 руб.)

Заграницей 25 амер. цент.

Содержание № 39:

- К. Д. Бальмонтъ — 1812 годъ
„ — Благовѣніе
„ — Алтарь
Н. Г. Бережанскій — Сфинскъ, не разга-
данный до гроба
В. Даркъ — Ночью
П. Н. Красновъ — На Дону въ Отече-
ственную войну
Иванъ Лукашъ — Исходъ Московскій
Проф. Н. И. Мишеевъ — Ликъ Россіи въ
Отечественную войну
А. М. Ремизовъ — Странникъ

Въ иллюстраціяхъ:

Четыре репродукции въ краскахъ:

- 1) А. Д. Кившенко — Военный совѣтъ въ
Филахъ
- 2) П. Гессъ — Сраженіе подъ Краснымъ
5 ноября 1812 г.
- 3) Пастернакъ — Въ Москвѣ
- 4) О. Кипренскій — Портретъ Александра I
(дуплексъ)

Представительства журнала „Перезвоны“

Эстонія — Г. Паю. Ревель, Narja tänar 39. Бѣлокуровъ. Дерптъ — Lossi tän № 1.

Литва — „Spauda“. Ковно, Laisves Aleja 76.

Финляндія — Mr. V. Voutilainen, Red. „Novija Russk. Vesti“, Nikolaigoton, No. 19, lok. 2.

Германія — Гиршфельдъ. Берлинъ, Passauer Str. 5.

Чехословакія — Кн. Маг. „Пламя“. Прага 11, Ječna 32.

А. А. Воеводинъ. Прага-Винограды, Nerudova 32.

Австрія — А. Мухинъ. Вѣна I, Petersplatz 9.

Югославія — И. И. Карпенко. Бѣлградъ, Притшинска 52.

Инж. А. Аріа (для Хорватіи и Словеніи) — Загребъ, Vlaška ul. 24.

Продажа также въ книжныхъ магазинахъ:

„Славянская взаимность“. Бѣлградъ, Битольска, 30. — „Возрожденіе“. Бѣл-
градъ, ул. Милоша, 11. — М. А. Суворинъ. Бѣлградъ, ул. Кр. Нагаліи 21.

Болгарія — Н. Алексѣевъ. Софія, В. Тырново 17.

Продажа также въ магаз.: А. Курьинъ. — Софія, ул. Царя Освободителя 6.

Турція — Г. Пахаловъ, „Кульгура“. Константинополь, 385, Grand rue de Péra.

Польша — Изд. „Добро“. Варшава, ul. Krakowskie Przedmieście Nr. 53.

Румынія — Кн. Маг. „Книга“. Кишиневъ, str. Alexandru cel Bun. 71.

Египетъ — Е. Лауренбергъ. Александрія, 24, Boulevard de Ramleh.

Китай — И. А. Глѣбовъ. Харбинъ, New-Town, p. b. 6.

К. Аверстъ. Тіензинъ, 20 Council Road. Talati Building.

„Русское Дѣло“. Шанхай, 359, Avenue Joffre.

Соед. Штаты Сѣв. Америки — Central Book Trading Company (А. В. Яременко), 239
East 10 th street. New-York City.

Калифорнія — N. E. W. S. & Company. „Новинки“, 1793, Geary street. San Francisco.

Англія — „Родное Слово“. London W. S. 222. Shaftesbury Avenue.

Франція — Отдѣленіе Издательства — Парижъ (XVI) 20, rue Raynouard, 20.

Продажа въ магазинахъ:

Арбузовъ, 32, rue d'Anjou.

„Родникъ“, 106, rue de la Tour.

„Возрожденіе“, 2, rue de Seze.

И. Поволодкій, 13, rue Bonaparte.

„Москва“, 9, rue Dupuytren.

„Маякъ“, 22, avenue des Ternes.

Е. Сіяльской, 2, rue Pierre-le-Grand.

„Офеня“ Бианкуръ.

въ Ниццѣ — 64 rue de France, магаз. Bibliotheque Russe.

ПЕРЕЗРОНЬ

Старѣйшая русская газета, основанная
въ 1876 г. А. С. Суворинымъ

Новое Время

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. на
1 мѣс. — 45 дин., 3 мѣс. — 125 дин.
6 мѣс. — 250 дин., 12 мѣс. — 400 дин.
Заграницу на 1 мѣс. — 0,75 амер. долл.

Розничн. продажа въ Кор. С. Х. С. — 2 дин. за экз.
Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца
въ главной конторѣ газеты: Бѣлградъ, ул. Кр.
Наталіи и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

Единственная въ Харбинѣ (Китай) еже-
дневная русская вечерняя газета

„РУПОРЪ“

VIII-ой годъ изданія

Въ воскресенье и послѣ праздни-
чныхъ выходить увеличен. размѣромъ.

Газета имѣетъ широкое распространеніе
по всей линіи Кит.-Вост. ж. д. и во
многихъ городахъ Китая и Японіи.

Подписная плата: 1 м. — 1 амер. дол.
3 м. — 2 амер. д. 50 ц.

АДРЕСЪ ДЛЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ:

Китай — Харбинъ, Почтовый ящикъ № 364.
China

АДРЕСЪ ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ:

Китай — Харбинъ, Корейская 17. Главн. Контора
China газеты „РУПОРЪ“.

Редакторъ-издатель Е. С. Кауфманъ.

„Борьба за Россію“

еженедѣльникъ, выход. въ Парижѣ
и объединяющій всѣхъ

противниковъ большевизма.

—*—

Содѣйствуйте распространенію
журнала.

Цѣна № — 1 фр.

„РУССКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

въ Харбинѣ.

Мѣсячная подписная плата заграницу —
1 амер. дол.

Редакторъ-издатель

А. И. Коробовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1928 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

Выходитъ въ Софіи

Адресъ

Редакціи и Конт.:

Софія, Врабча, 1

РУСЬ

Годъ изданія 6-й

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ (съ пересылкой)

Въ Софіи и Болгаріи

1 м.	3 м.	6 м.	12 м.
60 лв.	170 лв.	320 лв.	600 лв.

Заграницей

1 м.	3 м.	6 м.	12 м.
0,60 долл.	1,5 долл.	3 долл.	6,00 долл.

Подписка принимается 1, 5, 10, 15, 20 и 25
каждаго мѣсяца.

Подписчикамъ — преміи книги

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

РУССКОЕ ВРЕМЯ

Подписка принимается
въ Главной Конторѣ:

40, rue de Trévise, Paris 9.
Tél.: Province 52-65.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Заграницей: 1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 г.
10 фр.	27 фр.	50 фр.	95 фр.
23 фр.	55 фр.	105 фр.	200 фр.

ПРОЗЫ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1927 39

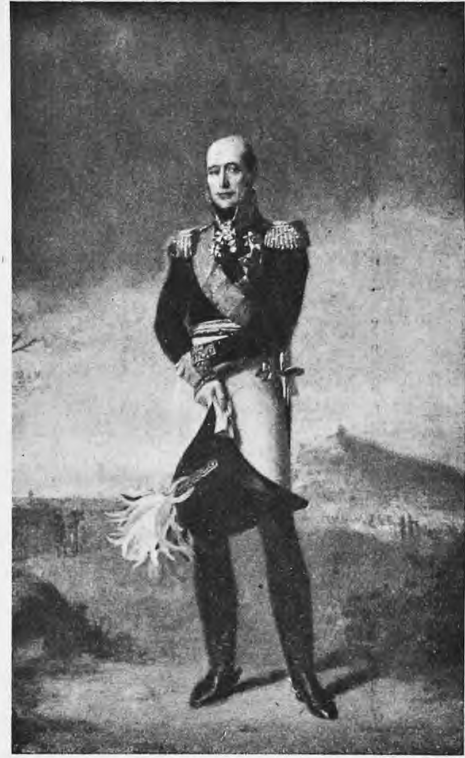
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 Г.

Императоръ Александръ I

М. И. Голенищевъ-Кутузовъ

М. Б. Барклай-де-Толли

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

Изъ всѣхъ намъ разсказовъ желаннѣй и слаще
О первой любви разсказъ.
Въ ней звукъ небывалый и свѣтъ настоящій,
Колодець бездонный единственныхъ глазъ.
Изъ всѣхъ многозвѣздныхъ сверканій и гроздій
Вечернюю — первую — любимъ звѣзду.

Кузнецъ, чьи — для Святкохъ алмазные гвозди,
Декабрь нашъ — двѣнадцатый мѣсяцъ въ году.

Чтобъ вникнуть въ скрижали
Гаданій и сновъ,
Въ ночи мы избрали,
Издревле, изъ дали,
Двѣнадцать часовъ.

Россіи, чьи мощны и чащи и рѣки,
Чьи горы небесный прорѣзали сводъ,
Вѣщанье навѣки —
Двѣнадцатый годъ.

Что Римъ мнѣ! Что Галлы! Что рьяная Спарта!

Капбретонъ.
1927. 27 декабря.

Свѣчкой мы копѣчной были сильнѣй.
Въ игрѣ тутъ была ворожебная карта.
Россія — Москва — приняла Бонапарта
Такой безоглядностью ярыхъ огней,
Что побывъ въ Москвѣ — и законченъ былъ
въ ней.

Пыланьемъ того рокового пожара,
Тѣмъ вскрытіемъ льда, всеразлитіемъ силъ,
Какъ Божьимъ напиткомъ, наполнилась чара,
Которую Пушкинъ ребенкомъ испилъ.
И въ отрокѣ пламень такъ жгуче былъ явенъ,
Что, чуть просвирѣлилъ онъ первый свой вздохъ,
Какъ сонный мгновенно проснулся Державинъ,
Почуявъ, что снова съ Россією Богъ.
Сгорѣли. Воскресли. И было такъ надо.
И снова. Но гдѣ же изъ пепла исходъ?
Когда опрокинемъ на воинства Ада —
Двѣнадцатый годъ?

К. Бальмонтъ

ЛИКЪ РОССІИ ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы...

I

Черезъ сто лѣтъ на эту тему будутъ писать о Россіи времени Великой войны и большевицкой революціи.

„Ясное понятіе о настоящемъ рѣдко бываетъ удѣломъ нашимъ“, — говоритъ участникъ Отечественной войны, кн. П. А. Вяземскій. („Поминки по Бородинской битвѣ“ М. 1869.) — „Тутъ ясновидѣнью много препятствуютъ чувства, привычки, то излишнія опасенія, то непомѣрная самонадѣянность. Пора дѣйствій и волненія не есть пора суда“, т. е., скажемъ мы, — окончательнаго вывода, а не въ смыслѣ похвалы или осужденія.

Да, ликъ Россіи нашихъ дней необычайно интересенъ по своей загадочности, но онъ такъ близокъ къ намъ, что не въ нашихъ силахъ разсмотрѣть его черты... Надо отойти!..

Не можемъ этого сдѣлать, — не хотимъ... Съ безконечной болью и страшнымъ напряженіемъ воли всматриваемся, начинаемъ „судить“, т. е. разсуждать и часто въ безсиліи

опускаемъ руки, ибо, что тамъ ни говори, но, вѣдь, все „сіе“ происходитъ въ Россіи при ста милліонахъ „молчащихъ“ и полумилліонѣ „дѣйствующихъ“, причемъ среди послѣднихъ 25% инородцевъ и 75% русскихъ.

Чѣмъ соизволеніемъ?.. Для чего?.. Почему?..

— Не для нашего разума вопросы, — говорятъ спокойно мудрые старики, что остались еще на Руси. — Время на это дастъ отвѣтъ... Еще не закончился ему срокъ возвратиться на Русскую землю. Придетъ!..

Итакъ, на родинѣ нашей сейчасъ нѣтъ Времени, а съ нимъ ясности, порядка, тишины, гармоніи...

Какъ будто - бы страшный Рокъ, остановившій свой бездонный взглядъ на всей Европѣ періода 1914 — 1919 г.г., перевелъ затѣмъ глаза на Россію, заглядѣлся на нее, приказавъ Времени уйти...

Ужасно жить подъ недремлющимъ, пристально разсматривающимъ окомъ Судьбы,

В. В. Верещагинъ

Наполеонъ и Лористонъ. Миръ во что бы то ни стало.

Н. Н. Раевскій

Гр. М. А. Милорадовичъ

Д. С. Доктуровъ

которая съ давнихъ поръ полюбила Русь. Не потому-ли эта Русь и святая, какъ посвященная „Кому-то“ для „чего-то“?.. А посему: Татарское иго, Смутное время, Отечественная война и наши „русскіе сегодняшніе дни“ не есть-ли все это явленія одного космическаго, по существу, порядка? Какого-же именно?

Религіознаго. Конечно, въ самомъ глубококомъ значеніи даннаго слова.

II

Язычество, іудейство, буддизмъ, магометанство, христіанство — всѣ они, разумѣется, имѣютъ своимъ источникомъ то чувство, значеніе котораго для нашей духовной жизни — непрерываемо. Чувство религіозное!

Своимъ ученіемъ Христосъ создалъ наиболѣе возвышенную и благотворную атмосферу для выявленія религіознаго чувства, вотъ почему — „душа по природѣ христіанка“, какъ замѣтилъ учитель церкви Тертуллианъ, однако, это говоритъ лишь о томъ, что душа по природѣ прежде всего и въ концѣ концовъ религіозна, что пробудившееся сознание чело-вѣка потребовало прежде всего Божества и захотѣло установить свое отношеніе къ Нему.

Памятники первыхъ тысячелѣтій исторической культуры повѣствуютъ намъ, что сознание, проснувшись, явилось только слугой религіознаго чувства, что это послѣднее объединило въ себѣ все: науку, искусство, право, напол-

нивъ собою весь міръ и всѣ, въ свою очередь, отношенія въ немъ.

Затѣмъ „слуга“ вступилъ въ борьбу съ „господиномъ“ и въ наши вѣка провозгласилъ даже свое „первородство“.

Только въ минуты и годы страданій, когда такъ обнаруживается ничтожество самодов-лѣющаго разума, только тогда и отдѣльная личность, и цѣлый народъ, покинутые этимъ разумомъ, обращаются къ коренной сти-хій своего духа, религіозной, чтобы тамъ обрѣсти нужныя силы для утоленія стра-даній и полнаго избавленія отъ нихъ. Вотъ почему такія минуты и годы въ жизни чело-вѣка и народа носятъ, если тщательно всмо-трѣться въ нихъ, религіозный харак-теръ по преимуществу. Онъ высказы-вается и въ отрицаніи, и въ утвержде-ніи. Человѣкъ и народъ равнодушенъ, кри-тикуетъ, разрушаетъ, отрицаетъ, богохульни-чаетъ, потомъ вдругъ молчитъ... Въ молчаніи къ чему-то прислушивается, что-то вызываетъ, съ чѣмъ-то соединяется, чрезъ соединеніе очи-щается, поднимается обновленнымъ, захвачен-нымъ жаждой подвига самопожертвованія и во имя Бога идетъ на защиту утвержденія жизни на началахъ, исполненныхъ чисто-религіознаго свѣта.

Такимъ путемъ мы шли къ освобожденію отъ „чаръ“ Смутаго времени. Такимъ идемъ сейчасъ... Это — безъ сомнѣнія! Какъ ни-

Гр. П. X. Витгенштейнъ

А. П. Ермоловъ

А. А. Беннигсенъ

когда, велики теперъ страданія, и, какъ никогда еще въ исторіи Россіи, велико и глубоко народное молчаніе. Молчаніе стомилліоннаго народа! Кто же не знаетъ, что чреватъ событіями не словоизверженіе, а молчаніе, что оно — страшнѣ самыхъ дикихъ и яростныхъ воплей!..

А что можетъ сдѣлать народъ, захваченный пафосомъ исконной религіозной стихіи, вызванной къ жизни страданіемъ и „воспитанной“ молчаніемъ чуть-ли не въ вѣкахъ, — объ этомъ намъ ясно и убѣдительно говорить ликъ Отечественной войны. Весь тогдашній подъемъ, патріотизмъ, самопожертвованіе были, такъ сказать, не первичными причинами, приведшими къ побѣдѣ надъ величайшимъ полководцемъ міра, а — вторичными, вышедшими изъ проснувшейся религіозной стихіи, которая, какъ неизсякаемый источникъ, питала жажду подвига. Если это не было ясно для современниковъ, то намъ вполне очевидно.

III

Кн. Вяземскій въ вышеназванной книгѣ своей, оглядываясь, спустя 50 лѣтъ, на Отечественную войну и, въ частности, на „Бородино“, гдѣ онъ самъ сражался, пишетъ:

Этотъ день, гдѣ двѣ державы,
Двѣ судьбы сошлись въ борьбѣ —
Скрѣпой крови, скрѣпой славы
Расписался на тебѣ.

Кутузова нашъ поэтъ характеризуетъ такъ:

Старца бодрый видъ воинственъ.
Онъ средь полчищъ одинокъ,
Онъ безстрашенъ, онъ таинственъ,
Онъ властителенъ, какъ рокъ.

Въ ром. „Война и Миръ“ мы читаемъ о Кутузовѣ: — „Онъ понимаетъ, что есть что-то сильнѣе и значительнѣе его воли, — это неизбежный ходъ событій, и онъ умѣетъ видѣть ихъ, умѣетъ понимать ихъ значеніе, и въ виду этого значенія умѣетъ отречься отъ участія въ этихъ событіяхъ, отъ своей личной воли... На этомъ чувствѣ, которое болѣе или менѣе смутно испытывали всѣ, и основано было то единомысліе и общее одобреніе, которое сопутствовало народному, противному придворнымъ соображеніямъ, избранію Кутузова въ главнокомандующіе“.

Тютчевъ сказалъ о Наполеонѣ, что

...Освѣщающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему...
Онъ былъ земной, не Божій пламень!
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ!
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ.

Съ чисто-эпической мощью выявился въ

безыскусственной тогдашней солдатской пѣснѣ великій пафосъ народной души, разбудораженной и взволнованной страданіями, что принесли съ собой событія невиданнаго масштаба:

Ночь темна была и немѣсячна,
Рать скучна была и нерадостна...
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумались, горько всплакнули...

И вдругъ...

Велико чудо совершилось!

Какое?..

У солдатъ слезы градомъ сыпались.

Дѣйствительно, развѣ это не чудо, что у солдата, какъ символа мужества, крѣпости, твердости, „слезы градомъ сыпались“?

Почему же разрыдались солдаты?

Кн. П. И. Багратионъ

„Молодцы-братцы, удалы друзья,
Не измѣнныя чада русскія!
Мы дадимъ, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, за душевную,
Чтобъ не взвидѣть намъ ни домовъ нашихъ,
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду-племени,
Не отмстивъ врагу за родну Москву!..“
Такъ солдатушки оплакивали
Мать родимую, мать — кормилицу
Златоглавую Москву милую..

пожаръ которой былъ какъ бы свѣчей за упокой души этихъ самыхъ „солдатушекъ“:

„У насъ не было вдоволь свѣчь про васъ,
Вдоволь не было воску яраго;
Мы зажгли за васъ лишь одну свѣчу
И поставили въ храмъ Божіемъ,
Лишь одну свѣчу — Москву-матушку,
Вамъ, друзьямъ нашимъ, въ упокой души“.

IV

Нѣтъ возможности въ небольшомъ очеркѣ представить, хотя бы въ общихъ чертахъ, художественную литературу, связанную съ эпохой 1812 года. Да нѣтъ и прямой необходимости, ибо даже, при самомъ поверхностномъ обзорѣ этой литературы, для васъ становится яснымъ ея лейтмотивъ, именно: и народъ, и отдѣльный поэтъ, писатель, гдѣ сознательно, а больше — повинуюсь своему безотчетному чувству, говоря объ Отечественной войнѣ, вспоминая ее, отмѣчаютъ ея провиденціальность, участіе въ ней Судьбы, Рока, печать которыхъ лежала въ то время и на массахъ, и на полководцахъ. Эту Судьбу чувствуютъ всѣ. Ощущеніе ея вызываетъ въ душѣ особое настроеніе, чуждое всякой пошлости, преисполненное сознанія важности и серьезности пришедшаго часа, обвинянное простотой, лишенное всякихъ эгоистическихъ цѣлей, откликающееся горячо и живо на все, что призываетъ къ подвигу, и одновременно, проникнутое покорностью и смиреніемъ предъ Высшими Силами, вдругъ ставшими очень близкими. Въ результатъ — все-

Донской атаман М. И. Платовъ

Гр. П. П. Коновницынъ

Гр. В. В. Орловъ-Денисовъ

общее единеніе, равенство, братство. Нѣтъ различія между людьми тогда, когда „разверзаются небеса, моря и земля“, когда „солнце и луна теряютъ свой блескъ“, когда „грядетъ День Судный“... Тогда нѣтъ мѣста уму, красотѣ, богатству и знатному положенію. Тогда спасеніе только въ религіозной стихіи души, и стихія эта властно, могуче заявляетъ о себѣ. Объ эту стихію и разбился Наполеонъ, ибо, какъ не разбиться, если дается „клятва кровная и задушевная“ отомстить врагу и какому!.. Антихристу!..

Да, характеръ страшной клятвы отвѣчалъ „надміровому“ врагу, который предвѣчно чуждъ религіозной стихіи. Въ этомъ отношеніи приводимая выше солдатская пѣсня, можетъ быть, самое примѣчательное изъ всей литературы о войнѣ 1812 года. Здѣсь мы лицомъ къ лицу стоимъ съ народнымъ духомъ, сбросившимъ съ себя всѣ историческія наслоенія, „одежды“, окутавшія „зерно“, откуда все выросло. И, конечно, исключительно великій геній Льва Толстого, создавшего, напимѣръ, такія удивительныя сцены, какъ появленіе Кутузова предъ войсками послѣ Красненскаго сраженія, давшего намъ массу орудій, знаменъ и 27000 плѣнныхъ, большая часть которыхъ была „изуродована отмороженными носами, щеками и красными, распухшими, гноившимися глазами“.

— „Передъ войсками стоялъ теперь не главнокомандующій... Заговорилъ простой, старый

человѣкъ, очевидно что-то самое нѣужное желавшій сказать.

— „А вотъ что, братцы. Я знаю, трудно вамъ, да что дѣлать! Потерпите; не долго осталось. Выпроводимъ гостей, отдохнемъ тогда... Вамъ трудно, да все же вы дома; а они — видите, до чего дошли, — сказалъ онъ, указывая на плѣнныхъ. — Хуже нищихъ послѣднихъ. Пока они были сильны, мы себя не жалѣли, а теперь ихъ и пожалѣть можно. Тоже и они люди. Такъ, ребята?“

— „Слова, сказанныя Кутузовымъ, — читаемъ мы дальше у Толстого, — едва-ли были поняты войсками... но сердечный смыслъ его рѣчи не только былъ понятъ, но то самое чувство величественнаго торжества въ соединеніи съ жалостью къ врагамъ, — это самое чувство лежало въ душѣ каждаго солдата и выразилось радостнымъ долго неумолкавшимъ крикомъ. Когда послѣ этого одинъ изъ генераловъ съ вопросомъ о томъ, не прикажетъ-ли главнокомандующій пріѣхать коляскѣ, обратился къ нему, Кутузовъ, отвѣчая, неожиданно всхлипнулъ, видимо находясь въ сильномъ волненіи“...

„Чувство величественнаго торжества въ соединеніи съ жалостью“ — это уже область религіозной стихіи, и Толстой удивительно это отмѣтилъ, какъ въ массѣ, такъ и въ полководцѣ времени Отѣчественной войны, и, разумѣется, только ощущеніемъ подобной стихіи, жизнью въ ней былъ вызванъ

Бар. К. О. Толь

К. Ф. фонъ Богговутъ

Я. П. Кульневъ

къ бытію великій образъ Платона Каратаева, котораго Толстой увидѣлъ именно среди „солдатушекъ“, этихъ, по словамъ пѣсни, „неизмѣнныхъ чада русскихъ“. Кстати, какой чудесный эпитетъ: „неизмѣнное чадо русское“!.. Вѣдь это не придумано, а родилось въ самомъ народѣ. Значитъ, должно себя и теперь оправдать, какъ оправдывало въ прошедшихъ годахъ...

„Каждое слово Каратаева, — пишетъ Толстой, — и каждое его дѣйствіе было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только, какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ...

Для Пьера онъ остался навсегда непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ духа простоты и правды...

Въ рѣчи Каратаева событія самыя простыя, иногда тѣ самыя, которыя, не замѣчая ихъ, видѣлъ Пьеръ, получали характеръ торжественнаго благообразія...

Въ этой характеристикѣ „неизмѣннаго чада русскаго“ мы почти вплотную подходимъ къ той глубокой религіозной стихіи, что проснулась въ Отечественную войну и выявила потомъ

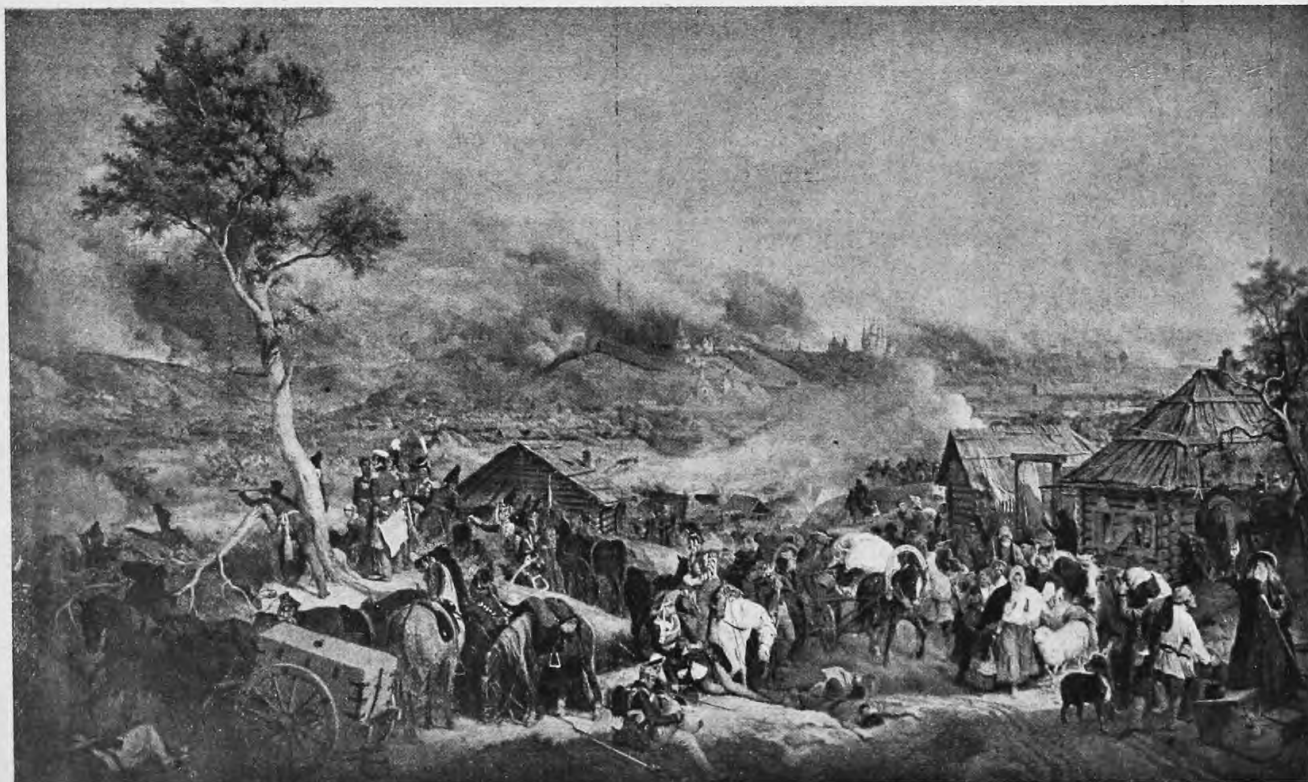

Бивуакъ подъ Вязьмою. (Совр. рис.)

черезъ творческое сознаніе великаго писателя образъ — символъ всего русскаго народа времени 1812 года. — „Не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ... Рокъ головы ищетъ“, — это любимѣйшія варіаціи всѣхъ рѣчей Каратаева. Пусть здѣсь не видно и не слышно никакого вѣроисповѣданія, но зато чуть-ли не предвѣчная жизнь души въ атмосферѣ религіознаго бытія ощущается непреодолимо...

V

Если мы обратимся непосредственно къ самому 12-му году и не столько къ внѣшнимъ событіямъ его, сколько къ духовной атмосферѣ, вдругъ окутавшей этотъ годъ, то безъ всякаго уже труда отмѣтимъ, что всѣ власти, начиная съ Александра I, въ своихъ воззваніяхъ, призывахъ, приказахъ, заявленіяхъ и манифестахъ къ народу стали на путь чисто-религіознаго отношенія къ дѣйствительности, правда, въ формѣ и духѣ христіанской церкви. Могли бы они стать на такой путь, если бы какимъ-то подсознаніемъ не почувствовали, что почва для подобнаго пути еще не готова?.. Разумѣется: нѣтъ, а затѣмъ, если бы и стали, то совершенно напрасно. Теперь же получилось иное, каждый призывъ и манифестъ вызывалъ гро-

П. Гессъ — Сраженіе подъ Смоленскомъ 5 августа 1812 г.
(У дерева сидитъ Барклай-де-Толли, стоитъ съ картой Ермоловъ, нач. штаба).

А. А. КИВШЕНКО

ВОЕННЫЙ СОВЕТЪ ВЪ ОИЛЯХЪ

Воинъ пѣшей дру-
жины

А. А. Бибиковъ
нач. I отд. С.П.Б. ополченія

Казакъ московскаго
ополченія

мовые раскаты въ душѣ народа, подхваченной религіозной стихіей, которая, въ свою очередь, давала силу и всѣмъ этимъ манифестамъ, гдѣ слово, поэтому, не было только „звнящей мѣдью“.

„Видя Наполеона никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Заступника правды, всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу... На зачинающаго Б о г ѣ !..“

„Да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и наша православная церковь!“

„Взываемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ... Да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ — Минина!“..

Всѣ эти и многія подобныя имъ воззванія

падали на почву, жадно воспринимавшую ихъ. Народъ еще до всякихъ манифестовъ и объявленій чувствовалъ, что на Россію надвигается полоса бѣдствій, чему было, по глубокому убѣжденію самого народа, много предзнаменованій. Обильные въ то время пожары и наводненія считались дурнымъ признакомъ, а равно и появленіе кометы съ огромнымъ хвостомъ. Вспоминали кстати и сказанія лѣтописи, какъ въ древнее время, передъ нашествіемъ татаръ на Россію, солнце и мѣсяцъ измѣнили свой видъ, а на небѣ появлялись чудесныя знаменія.

Естественно, что, находясь въ такомъ душевномъ состояніи, видя свою полную безпомощность предъ надвигающимися стихійными явленіями и событіями, народъ долженъ былъ внѣшней стихіи противопоставить стихію же своего духа, именно религіозную стихію, сердцемъ которой является вѣра въ то, что можно и „солнце остановить“, т.е., что можно бороться и съ природой, нарушивъ ея законы, чего разумъ, конечно, допустить не можетъ.

Прежде всѣхъ это понялъ и почувствовалъ

На стѣнахъ Смоленска 18 августа 1812 г. (Совр. грав.)

Знамя С.-Петербургскаго ополченія

Хоругвь Московскаго ополченія

Знамя Полтавскаго ополченія

Александръ I, а посему нашель въ себѣ силу сломить собственную гордость, самолюбіе, отказаться отъ поста главнокомандующаго и пойти въ гущу народа: дворянъ, купцовъ, духовенства и крестьянъ. Это произвело невиданное впечатлѣніе на всѣхъ и больше всего на массы. Александръ Павловичъ вдругъ сдѣлался народнымъ царемъ, который заговорилъ чрезвычайно понятнымъ для всѣхъ языкомъ, каждое слово котораго было одновременно проникнуто и болью, и смиреніемъ, и любовью, и надеждой, и грозной силой, черпающей великій духъ у Бога. Это былъ именно религіозный языкъ!

— „Вошелъ-ли непріятель въ Москву? — спросилъ Александръ Павловичъ полковника Мишо, пріѣхавшаго къ нему съ докладомъ.

— Вошелъ, Государь, и въ эту минуту она превращена уже въ пепель; я оставилъ ее, объятую пламенемъ.

Слезы полились изъ глазъ монарха, — рассказываетъ Мишо, — и затмили ихъ.

— „Боже мой!“ — сказалъ онъ, — что за несчастія!.. Изъ всего, что съ нами случается, я заключаю, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ пожертвованій... Но если Судьбою и Промысломъ Божиимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отрошу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить“.

Въ отвѣтъ на такой языкъ народъ откликнулся стихійно,

особенно сѣрый простой народъ, дотолѣ не допускаемый къ вершителству судебъ Россіи. Крестьяне укрывали своихъ женъ и дѣтей въ лѣсахъ, а сами съ топорами, вилами, дубинами поднялись во весь колоссальный ростъ всероссійскаго крестьянства.

Однажды на мірской сходкѣ столпились возлѣ старика, который, уткнувъ въ сѣдую бороду длинную палку, что-то толковалъ молодежи. Начальникъ одного тверскаго ополченскаго полка спросилъ: о чемъ у нихъ идутъ переговоры? Старикъ отвѣчалъ: „Да все о матушкѣ - Москвѣ“.

— Что-жъ вы думаете?

— „Да, вотъ, пока ее, матушку, супостаты не взяли, такъ думалось и то, и се, а теперь думать нечего!.. И только бы батюшка нашъ Государь милосердный не смирился съ злодѣемъ, а то ему не сдобровать. Святая Русь велика, народу много, многое множество; укажи поголовщину, и мы своими тѣлами задавимъ супостата...“

Чрезвычайно важно, что и духовенство постигнуло источникъ, породившій взрывъ патриотизма и готовность къ жертвѣ. Какъ никогда, оно теперь стало близкимъ къ народу, проснувшаяся религіозная стихія котораго въ близости духовенства нашла себѣ извѣстное, такъ сказать, оформленіе. Цѣлый, на примѣръ, рядъ священниковъ понесъ на своихъ плечахъ всѣ тяготы народной войны, выдѣливъ изъ своей среды такихъ героевъ, какъ Мурзаневича, священника Смоленской церкви; священника Якова Соколова; московскаго свящ. о. Вельямина и др.

Лучиновъ. Благословеніе на ополченіе

Въ конечномъ результатѣ была побѣда.

Ее объясняли различно.

Въ своей любопытной во многихъ отношеніяхъ книгѣ („Не голодъ и морозъ были причиною гибели наполеоновскихъ полчищъ“. СПб. 1855 г.), Липранди, тщательно разобравъ всѣ имѣющіеся у него подъ руками иностранные и русскіе источники о войнѣ 12 года, отмѣтивъ ихъ внутреннее противорѣчіе, приходитъ къ выводу, что виновать въ гибели Наполеона не голодъ, не морозъ, сколько „несказанная дезорганизація вражескихъ полчищъ, вышедшихъ изъ повиновенія не только ближайшимъ начальникамъ, но и самому императору, вслѣдствіе чего не были, какъ слѣдуетъ, использованы приготовленные для охраны отъ голода и мороза запасы“...

Нашъ авторъ цитируетъ французскихъ писателей Лаболу, Гурго, Барро-Рулона, Деннѣ и др., все участниковъ великаго похода, утверждающихъ почти одно и то же, именно: „съ 25 октября армія потеряла свою силу. Солдаты перестали повиноваться офицеру, а офицеръ — генералу. Полки пошли толпами и грабили магазины... Дисциплина пропала... — „Разстройство это, — доносилъ Бертъ Наполеону, — усиливается и угрожаетъ тѣмъ, что скоро не будетъ возможности повелѣвать въ битвѣ“... — „Подъ Краснымъ деморализація нашей арміи достигла высшей степени... Въ Оршѣ Наполеонъ пытался устроить армію, раздавалъ оружіе и продовольствіе, но деморализація у насъ была такова, что ничто уже не могло возстановить порядковъ и чинопочитаніе, хотя морозъ съ 6-го ноября уменьшился и армія проходила страшно, которую менѣе опустошила“.

Въ чемъ же лежала причина такой дезорганизаціи арміи Наполеона?

Липранди отвѣчаетъ, что „въ общемъ упала духа ея“. А почему онъ упалъ?..

Не потому-ли, скажемъ мы, что столкнулся съ другимъ духомъ, охваченнымъ не жаждою славы, величія, богатства и насилія, а связаннымъ „кровною, задушевною клятвою“, рожденною въ стихіи религіи? Эта клятва была дана, какъ залогъ утвержденія существенныхъ началъ міровой жизни: простоты, смиренія, любви и жалости, направленныхъ, въ данномъ случаѣ, на ближайшій

объектъ этой жизни — Отечество. Вотъ почему нельзя согласиться и съ Липранди, видящимъ первостепенныя причины побѣды въ могуществѣ русскихъ войскъ и искусствѣ предводителей. Нѣтъ, это причины второго порядка, что нами было уже отмѣчено и въ достаточной, надѣмся, мѣрѣ показано.

* * *

И вотъ сейчасъ Россія „въ плѣну“... Она „покорена“... Что-то такое несуразное, глупое творится въ ней, вопреки всякой логикѣ и, главное, вопреки всей русской исторической идеѣ. Неужели это тотъ самый народъ, который сталъ во весь свой духовный ростъ въ 1812 году?.. Какъ понятенъ, наприимѣръ, В. Розановъ, который бѣгалъ въ концѣ 17 года въ исполкомъ Троицко-Сергіевскаго Посада, гдѣ жилъ, бѣгалъ специально для того, чтобы посмотрѣть русскаго коммуниста и допрашивалъ, допрашивалъ его всей душой своей: — „Какъ же это такъ?.. Ты, Иванъ Петровъ, теперь коммунистъ?! И Бога нѣтъ?! И, значитъ, интернаціоналъ?!. Что же произошло?! Какъ же это случилось?!. Неужели

Партизаны. Илл. Апсита къ „Войнѣ и миру“

такъ вотъ и вѣришь, что Господа Бога нѣтъ?!

— Вѣрю, — отвѣчалъ Иванъ Петровъ. — Какъ раньше вѣрилъ, что Богъ есть, такъ теперь вѣрю, Василій Васильевичъ, что Его нѣтъ. Вотъ уже четвертый мѣсяцъ, какъ увѣровалъ, что Бога нѣтъ.

— Ишь, ты!.. Ишь, ты, — шепталъ Василій Васильевичъ. — Покурить бы мнѣ, Иванъ Петровъ. До смерти хочется...

— Курите, Василій Васильевичъ. Безъ Бога обходительнѣе и по времени. Время такое пришло, что Богъ не у мѣста, ни къ чему...—

Мы знаемъ, что Розановъ не выдержалъ. Умеръ отъ воспаленія мозга, подбирая окурки на улицѣ.

Ну, а Иванъ Петровъ?..

Онъ сейчасъ замолчалъ... Убийственно молчитъ и, не сводя глазъ съ Кремля, стоитъ предъ его стѣнами.

Не зашевелилась-ли въ груди его русская историческая идея?.. Вѣдь, время сейчасъ иное...

Н. И. Мишеевъ

П. Гессъ. Сраженіе подъ Вязьмой
(Штурмъ города генераломъ Милорадовичемъ)

Бѣгство изъ Смоленска 5 августа — въ день сраженія
(Деталь картины П. Гесса)

БЛАГОВѢЯНЬЕ

...создателю и содѣтелю всѣхъ...
Требникъ

Создатель всѣхъ Ты, и всѣхъ содѣтель,
Даруй намъ радость живого дѣянья,
Въ глухомъ лѣсу мы, лишь Ты свидѣтель,
Что жаждемъ свѣта и благовѣянья.

Повѣть съ Юга тепломъ нагрѣтымъ,
Лиловый цвѣтикъ къ лучамъ запросится.
А мысль на Сѣверъ влекома свѣтомъ,
А мысль къ Родному, вздохнувъ, уносится.

Вѣдь Ты не хочешь, о, нѣтъ, Владыка,
Чтобъ тьма губила Твои созданія.
Дашь Ты птицамъ блаженство всклика,
Даруй намъ радость обѣтованія.

Повѣть вѣтеръ, повѣть, взвѣйный,
Лиловый цвѣтикъ весь въ медъ источится.
И гулъ по лѣсу пройдетъ лелѣйный,
Отецъ, къ Родному такъ сердцу хочется.

Не дай намъ меркнуть, не дай подъ снѣгомъ,
Не дай подъ камнемъ роптать строптивыми.
Но дай намъ рѣки съ родимымъ берегомъ,
Родную землю, съ родными нивами.

АЛТАРЬ

И. С. Шмелеву

Доброму другу отъ чистой души
Крѣпкое слово: дыши и пиши,
Всѣ твои чувства — какъ Русь, хороши.

Если судьбинно тоскуешь ты, — пусть: —
Въ словѣ — въ лампадѣ — лучистая грусть,
Русь какъ молитву тверди наизусть.

Если пронзенъ острожальной стрѣлой,
Долю свою и въ недолѣ открой,
Срѣзанъ камышъ? — ты въ тростинку запой.

Часъ поджидая, въ которомъ заря,
Будемъ какъ свѣчи, спокойно горя,
Мѣсто твое — предъ лицомъ алтаря.

Порознь мы молимся — близко — всегда,
Та же намъ вечеромъ свѣтитъ звѣзда,
Нѣтовцевъ нѣтъ въ насъ, — въ насъ вѣчное Да.

Ранень и я острозубой стрѣлой,
Молнія въ часъ, затянутомъ мглой,
Любящимъ, намъ вся земля аналой.

Русь позоветъ насъ, опомнясь въ судьбѣ,
Тронутся льды въ многогудной гурьбѣ,
Вскликнемъ мы къ Вышнему: Слава Тебѣ!

К. Бальмонтъ

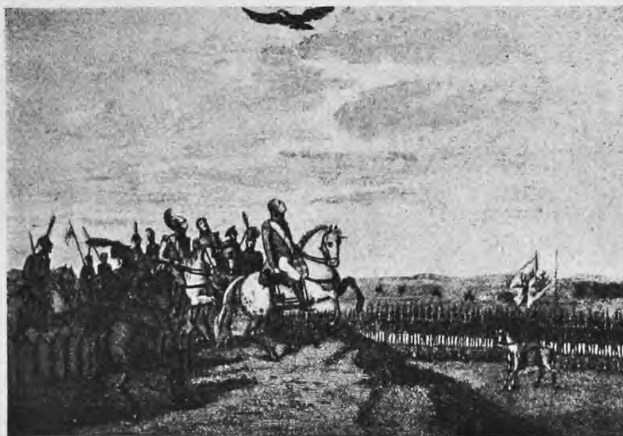
В. ДАРКЪ

НОЧЬЮ

Отъ церкви дорога сбѣгала подъ горку и видна была на добрыхъ три версты, вплоть до Перхушковскаго лѣса: онъ теперь зубчато темнѣлъ на ясномъ небѣ, полномъ луннаго свѣта.

Но не луна и не широкія нивы показывали о. Григорію всѣ извивы Смоленскаго тракта. Безчисленные огоньки, отдѣльные вблизи и сливавшіеся струями подале, обозначали путь. Фонари, самодѣльные маленькіе факелы, зажженные лучины, изрѣдка свѣчи горѣли въ рукахъ тысячь ожидав-

шихъ людей. Неподвиженъ стоялъ воздухъ, и молчали толпы.

Кутузовъ въ Царевѣ - Займищѣ
(Счастлиое предзнаменованіе)

Та тревога, что не давала покою о. Григорію съ самаго полудня, съ той минуты какъ проскакавшій черезъ село адъютантъ Ростопчина предупредилъ о проѣздѣ Государя, тревога, близкая къ страху, неожиданно улеглась при видѣ необычной ночной картины.

— Суетны страхи наши, дьяче! Или не видишь ночи этой невиданной? — повернулся о. Григорій къ дряхлому дьякону.

Тотъ подернулъ лѣвымъ плечомъ, встрепенулся, внимательно взглянулъ на священника, на огни, на лунное небо, на серебристыя моря колосяевъ и вдругъ засуетился: бросился туда — сюда по паперти, скрылся въ церковь.

И вышелъ оттуда въ пасхальномъ серебряномъ стихарѣ, торжественный и медленный, съ зажженной высокой красной позолоченной свѣчой, которую брали только въ пасхальную утреню.

Вышелъ онъ во-время. Уже у лѣса задвигались — заблестѣли огни. Видно стало, какъ лента свѣта вплотную придвигалась къ дорогѣ, какъ разомъ поднимались вверхъ огни и молчаливымъ привѣтомъ озаряли путь императора.

Въ головѣ о. Григорія быстро промелькнули короткія отчетливыя мысли о Россіи, о Напо-

Молебствіе въ Царевѣ-Займищѣ — передъ Смоленской иконой Божіей Матери, сопровождавшей русскую армію въ теченіе всей Отечественной войны
Иллюстр. Апсита къ „Войнѣ и миру“

леонѣ, о войнѣ, о ночи, о нечистой силѣ, во тьмѣ ходящей. Но страха онъ не ощутилъ. Напротивъ, онъ почувствовалъ въ себѣ силы на то, чтобы побороть и разсѣять все страшное. Только не находилъ онъ еще ни дѣйствія, ни словъ для начала.

Растерянность, торопливость стали тѣснить душу, потому что безмолвные привѣты огней съ каждою минутой все

приближались и приближались къ церкви.

— Что скажу? Что сдѣлаю? Вотъ они, простые люди, огнями привѣтствуютъ царя своего. Ночью забыли сонъ, забыли трудъ свой на завтра. А я? Что скажу? Что сдѣлаю? — спрашивалъ себя о. Григорій.

Онъ опустилъ глаза и увидѣлъ, какъ мутно поблескивалъ крестъ на серебряномъ блюдѣ — на немъ лунный свѣтъ горѣлъ.

Дезарно. Сраженіе подъ Бородинымъ 26-го августа
(Атака ген.-л. Ѳ. П. Уварова на лѣвый флангъ французской арміи)

Партиз. капитанъ
А. С. Фигнеръ

Разстрѣлъ повстанца — смоленскаго
помѣщика П. И. Энгельгардта

Партизанъ Б. В. Денисовъ

И, смотря на эти блески, о. Григорій забылъ дѣйствительность. Показалось ему, будто идетъ пасхальная заутреня, будто стоитъ онъ послѣ крестнаго хода передъ закрытыми церковными дверями. Почувствовалъ онъ, какъ это бывало уже много разъ прежде, что толпы прихожанъ всю силу душъ своихъ, чуда ждущихъ, направили на него и ждутъ отъ него первыхъ чудесныхъ, общающихся, радующихъ, вдохновенныхъ словъ. Изъ самаго сердца рвутся эти слова, и дрогнетъ отъ нихъ толпа...

Онъ поднималъ глаза отъ креста и прямо передъ собою увидѣлъ высокую стройную фигуру, открытый лобъ и столь знакомое по портретамъ доброе лицо; и не владая собою воскликнулъ:

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!!

И колыхнулась толпа. Вдругъ вразъ поднялись кверху сотни огней. Ихъ живой свѣтъ отодвинулъ въ стороны мягкое призрачное лунное сіяніе.

Видно стало, какъ Александръ перекрестился,

всталъ обоими колѣнами въ пыль паперти; сдѣлавъ земной поклонъ, поднялся и приложился ко кресту.

А потомъ, мелькнувъ въ молчаливой толпѣ, умчалась легкая коляска туда же, куда тянулись непрерывныя струи огней: на востокъ, къ Москвѣ, ждавшей дорогого гостя и страшныхъ вѣстей

Въ маленькой ризницѣ, не разоблачаясь, о. Григорій записалъ на страницахъ памятной церковной книги:

„1812 года, іюліа 11-го, передъ полуночью, Благочестивѣйшій Государь Александръ Павловичъ, слѣдуя черезъ Покровское, Фили тожъ, земно преклонившись облобызалъ Животворящій Крестъ. Множество людей мѣстныхъ, окрестныхъ и московскихъ въ благоговѣйномъ молчаніи встрѣтили Государя. Изъ домовъ своихъ вынесли они огни многіе. Любимому освѣтили они путь, врага же поपालить. Яко таетъ воскъ отъ лица огня“ . . .

В. Даркъ

Н. С. Матвѣевъ. Вдова ген. Тучкова на Бородинскомъ полѣ разыскиваетъ трупъ мужа.

НА ДОНУ ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Р а з с к а з ъ

Намъ, живущимъ въ стремительный вѣкъ аэроплановъ, автомобилей, безпроводочнаго телеграфа и повсемѣстнаго распространія газетъ, даже трудно себѣ представить, какъ жили сто пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ годы великой Отечественной войны, наши дѣды. Теперь въ самую глухую деревушку, въ далекий степной хуторъ, горный аулъ или средне-азиатскій кишлакъ, къ становищу самоѣдовъ въ тундрѣ, къ заимкѣ сибирскаго охотника, — на чугункѣ, на почтовой телѣгѣ, на оленяхъ, или на собакахъ бѣжитъ почта. Телеграфъ несетъ повсюду вѣсти со всего свѣта. Деревня приблизилась къ столицѣ, и событія великой войны стали извѣстны всему населенію Россійской имперіи.

Во время Отечественной войны телеграфа не знали, газетъ было мало. Почта шла по немногимъ „трактамъ“, и жители для сношеній пользовались рѣдкими „оказіями“. Войны вели государи и ихъ арміи, привлекая столько людей, сколько было нужно.

Жизнь въ тогдашней донской станицѣ показалась бы теперешнимъ людямъ томительно скучной: безъ газетъ, безъ вѣстей, безъ „біоскоповъ“ и „иллюзіоновъ“.

А между тѣмъ наши дѣды и бабки жили, пожалуй, полнѣе, красивѣе, глубже и во всякомъ случаѣ душевнѣе, чѣмъ жили мы. Въ станицѣ, полной скота, лошадей и птицы, полной заботъ о завтрашнемъ днѣ, жизнь была мудро обставлена обычаями, старыми завѣтами предковъ и требованіями православной церкви.

Въ помощь закону шель обычай, и слово „грѣхъ“ не было пустымъ словомъ. „Грѣхъ“ былъ вездѣ: и въ мелочахъ и въ крупномъ. Грѣхъ было съѣсть яблоко раньше того, какъ освятятъ плоды въ Преображеніе, грѣхъ было ѣсть зайца, ибо это животное нечистое, грѣхъ было курить табакъ, грѣхъ войти въ шапкѣ въ горницу, гдѣ висятъ иконы, и грѣхъ было дѣвущкѣ любиться съ парнемъ до брака, грѣхъ было убить, грѣхъ украсть, увести чужого коня, позавидовать чужому счастью.

Церковь наполнила жизнь благолѣпными службами, таинствами и обрядами. Церковь — прекрасная, каменная, съ толстыми стѣнами, съ высокими куполами, съ мѣднымъ звономъ колоколовъ, съ золотомъ, серебромъ ризъ, писанными красками иконами, со свѣчами и расписными паникадилами — владѣла душою станицы.

Церковь плѣняла и поражала. Церковь требовала соблюденія постовъ, молитвы покаянія.

Она несла радость причастнаго дня. Церковь установила бракъ, крестины, дни рожденія и именинъ, церковь подошла къ умершему и сказала скорбящимъ по покойнику его близкимъ, что смерти нѣтъ, и замолила передъ Господомъ: „и вѣчнаго огня исхити“.

На церковь трудились и несли въ нее свои работы, отдавали свои достатки станичники. Для церкви писали иконы, годами рѣзали по дереву, золотили, красили, шили, вышивали, плели цвѣточные гирлянды и украшали ее цвѣтами. Отъ недѣли ва ий, когда скромная бѣлая пу- почки пуши-

В. В. Верещагинъ

Партизаны (Деталь)

стыми мышками на голых вербных вѣтвяхъ торчали передъ иконами, повязанныя пестрыми лентами, до Троицына дня, когда вся въ свѣжей зелени, цвѣтахъ и вѣнкахъ благоухала церковь, къ Спасову дню, когда несли въ нее яблоки и виноградъ — церковь жила съ природой, и не празднo и не скучно возносили въ ней моленія объ изобиліи плодовъ земныхъ.

Церковь точно усмиряла природу, страшную человѣку своими бурями и небесными знаменіями. Она уничтожала скуку станичной жизни и сближала земного человѣка съ силами небесными. Въ тѣ дни снились людямъ ангелы, говорящіе слова утѣшенія, являлась Божія Матерь скорбящимъ, и не было скучно въ далекой степной станицѣ, гдѣ не знали ни телеграфа, ни почты, ни развратнаго мерцанія „иллюзіоновъ“.

Жили въ природѣ. Сходились, вѣнчались, женились, чтобы имѣть дѣтей. Родили дѣтей, чтобы воспитать изъ нихъ вѣрующихъ христіанъ, вѣрныхъ слугъ государя и Родины.

Когда наступалъ осенній вечеръ, и на западѣ горѣла красная полоса далекой зари, а надъ нею грозно клубились темно-лиловыя, снѣгомъ дышащія тучи, спускались къ горизонту косматыми лапами, будто хотѣли похитить послѣдній свѣтъ на землѣ, — станичники спокойно крестились на востокъ, весь черныи отъ тучъ; знали и вѣрили: не попуститъ Господь до бѣды; избавитъ ихъ отъ огня, потопа, труса, глада, меча, нашествія иноплеменныхъ и междоусобной брани. У каждаго отъ дневного труда ломило спину и болѣли ноги и руки, только что носившія воду скоту, ворожавшія большими охапками соломы и сѣна, засыпавшія конямъ овесъ и все утро молотившія хлѣбъ.

Оборачивались станичники на кровавымъ полымемъ пылавшій западъ и говорили: „Пошли, Господи, имъ... на войнѣ... съ басурманомъ“.

Нѣтъ... Скуки въ далекой станицѣ не знали. Знали горе, тоску, знали печаль личную по ушедшимъ, знали утѣшеніе молитвенное, но скучать не скучали.

—
Познала печаль, горе лютое и Любанька, дочь станичнаго протопопа — красавица дѣвка.

Она была просватана за полковничьяго сына, казака ихъ же станицы — Ванюху Минаева, молодого хорунжаго войска

Форпостъ у Москвы

Донского атаманскаго полка. Сватовство сыграли честию, было и рукобитье, — постъ задержалъ со свадьбою, а потомъ угнали полкъ въ Молдавію. Изъ Молдавіи должны были вернуться атаманды по замиреніи съ турками въ Черкасскъ, и на Красную горку 1812 года должна была быть свадьба. Но вмѣсто того прошелъ полкъ стороною, черезъ

малороссійскіе города на западную границу, и пришли вѣсти о новой войнѣ съ антихристомъ, звѣремъ изъ бездны — Наполеономъ Бонапартомъ.

Любанька ожидала конца войны, вѣстей радостныхъ, а съ ними и родного Ванюху.

Протопопъ былъ вдовый, и въ домѣ Любанька была полноправной хозяйкой. Весь домъ былъ на ней. И не только домъ — и на церковь работала Любанька: шила воздухи, чинила облаченіе, рисовала узоры, мыла и чистила храмъ. Работы, заботы — безъ конца, но не могли онѣ заглушить главной заботы, что точно болѣзнь точила сердце Любаньки — живѣли Ванюха.

Страшные слухи ходили по станицѣ. Наши отступали. Уходили вглубь страны. Москву отдали!.. Самое Москву сдали и сожгли... Сжималось сердце Любаньки. Она молилась въ церкви: „Господи, спаси, сохрани!“ Не было больше словъ.

Въ сентябрѣ стало слышно: атаманъ Платовъ по станицамъ ѣдетъ. Все войско будетъ подымать — супостата гнать. Донъ отъ басурманъ - французовъ оборонять!..

Чистили и мыли церковь. Обѣдню и молебень въ ней будетъ слушать атаманъ. Пѣвчіе разучивали по нотамъ „концертъ“. Любилъ атаманъ, чтобы въ церкви пѣли хорошо: былъ набалованъ столичными, митрополичьими и придворными хорами, — чуть не по немъ, не угодятъ: „въ Грузію — на двѣ перемѣны“ — это на восемь годовъ за Кавказскія горы!.. Боялись пѣвчіе атамана. Выводили тщательно, гудя октавою:

„Небеснаго круга верховторче“...

Любанька готовила полдникъ и чай атаману. Къ нимъ послѣ обѣдни и молебна долженъ былъ придти атаманъ. Она наливала ромъ въ граненый графинъ, представляла наливки, по блюдамъ раскладывала варенья особенныя: розо-

А. Кившенко

Θ. В. Ростопчинъ выдаетъ Верещагина

вое изъ ароматныхъ розовыхъ лепестковъ, вишневое, кизиловое и апельсиновое — заморскую рѣдкость. Прислала ей тѣ апельсины настоятельница Черкаскаго монастыря — за воздухи, шитые Любанькой для монастырской церкви.

Раннимъ утромъ скакалъ по станицѣ кривой и старый Данилычъ. Стегаль толстой плетью пузатаго бураго мерина, сгонялъ малолѣтковъ ѣхать встрѣчать атамана, джигитовать кругомъ его брички, палить изъ самопаловъ, длинныхъ турецкихъ рушницъ, руками доставать до земли — „отвагу“ показывать. Кричалъ сильнымъ дребезжащимъ голосомъ на всю станицу:

— Ты чово, Заяцъ, на кобылѣ выѣхалъ... У, срамникъ окаанный?! Рази можно, чтобы казаку на кобылѣ!

— Да у меня, дяденька...

— Я тебя, срамной... басурманъ... хранцузъ.

— Да у него дяденька Данилычъ!.. — звенѣли голоса.

— На ко-бы-лѣ... — сильнѣ Данилычъ.

— Ей-Богу, дяденька, коня нѣтути... Всѣхъ коней казаки забрали. Не хватать на станицѣ коней-то.

— У Юлюхина возьми... Юлюхинъ больной лежитъ. Ему конь ни къ чему... у его спрошай?.. А то — на кобылѣ. Не гоже.

На станичномъ майданѣ, противъ церкви, на пыльной площади, пахнувшей соломенной гарью и полынью, выстраивались конные и пѣшіе казаки. Рѣяли хуторскія и станичныя знамена. Кивера, бараньи шапки, папашки на головахъ, екатерининскіе мундиры съ откидными рукавами, кафтаны, свои домодѣльные зипуны — сѣрые, рыжіе, темно-зеленые и синіе; алые лампасы на шароварахъ, тяжелыя сабли, легкія кавказскія шашки, длинныя пики, разномастные кони, уши ивернемъ, тавра на заднемъ станѣ, хвосты перомъ и надъ всѣмъ — гомонъ сотни голосовъ, крики урядниковъ и сотниковъ, разговоры — о войнѣ.

Любанька на крыльцѣ отцовскаго дома, гдѣ все готово, все чисто, вымыто, выскоблено, гдѣ пахнетъ воскомъ натертыхъ половъ, ванилью и розовымъ вареньемъ, ждетъ атамана Платова. Вѣдь въ его, атаманскомъ, полку служить родной и милый Ванюха — родимый, любимый, ласковое солнышко, ясное и свѣтлое.

Дѣвочки косы двумя блестящими полосами легли по розовому шелку длиннаго въ талью шитаго кубелека. Жемчуга отѣнили блескъ стройной шеи. Молодая грудь опредѣлилась подъ шелкомъ и дрожить отъ волненія.

Прискакалъ казакъ на тяжело дышащей ло-

шади, прыгнувъ и подбѣжалъ къ станичному атаману:

— Каргиновскіе хутора проѣхалъ атаманъ...

— Ну, заразь и у насъ будетъ, — сказалъ атаманъ и крикнулъ въ народъ: смир-р-р-на! По конямъ!

Конные стали садиться. Визжали злые жеребцы. Стебанули кого-то задомъ по живому мѣсту.

— Охъ... охъ... охъ... — пронеслось по толпѣ.

Пѣшіе выравнивались у паперти. На каменныхъ ступеняхъ почетные старики — Лащилинъ, Мельниковъ и Черничкинъ разглаживали сѣдые старообрядческія бороды, и на деревянномъ блюдѣ, покрытомъ полотенцемъ, укладывали большой круглый пшеничный хлѣбъ съ глиняной солонкой. Станичный атаманъ прокашливался. Урядники расчищали дорогу.

За Дономъ, за паромомъ, за мѣловыми скалами, застучали ружейные выстрѣлы. Палили малолѣтки изъ пищалей. Слышнѣе стали гиганье и вскрики джигитующихъ мальчиковъ, раздался, наконецъ, и топотъ конскихъ ногъ и далекій звонъ бубенцовъ на тройкѣ. За тополями левады, на бѣломъ спускѣ завилась столбами пыль.

— Къ парому изволить спускаться, — вздохнулъ старикъ съ хлѣбомъ - солью и прокашлялся. — Сейчасъ сюда будетъ.

Стихла площадь. Круто выругался урядникъ, фыркнула, прочищая запыленные храпки, лошадь.

— Вотъ онъ и Платовъ!

Тройка рыжихъ, запотѣлыхъ, въ мылѣ подъ сбруей лошадей круто осадила у паперти.

Въ высококомъ киверѣ съ голубымъ, выгорѣлымъ, посѣрѣвшимъ шлыкомъ, съ дрожащимъ легкимъ перомъ, прикрѣпленнымъ брилліантами, въ синемъ длинномъ чекменѣ, въ голубой лентѣ, въ орденахъ, весь въ пыли, вылѣзъ Платовъ и сталъ подниматься на паперть.

Три старика съ хлѣбомъ-солью и съ ними станичный атаманъ съ длинною насѣкою съ серебрянымъ шаромъ, спустились съ верхней ступени ему навстрѣчу.

— Ваше высокопревосходительство, — началъ старикъ съ хлѣбомъ, и слезы заиграли между красными вѣками. — „Возлюбленный атаманъ, государемъ ставленный, гордость и украшеніе всего великаго войска Донскаго! Се день сей станица привѣтствуетъ тебя, чтя въ тебѣ подвиги сыновъ своихъ. Прими, атаманъ, хлѣбъ-соль нашу и знай, что мы, вѣрные сыны тихаго Дона, готовы всѣмъ достояніемъ нашимъ, всею жизнью нашею слу-

Гр. О. В. Ростопчинъ (Совр. портр.)

жить государю нашему... И готовы есьмы идти... сокрушить супостата... и изгнать его изъ предѣловъ государства Россійскаго..."

Въ затихшей площади торжественно звучали слова старого Лащилина. Сгрудившіеся вокругъ старики въ медаляхъ и крестахъ, всѣ съ обнаженными лысыми, или сѣдыми, благообразными головами, тянулись шеями, стараясь не проронить ни слова, оцѣнивая краснорѣчіе своего выборного.

Платовъ слушалъ, глядя большими, на выкатъ глазами на говорившаго. Кругомъ пахло дегтемъ, конскимъ потомъ отъ неотѣхавшей тройки, — некуда было отѣхать, затолпила толпа, — свѣжимъ пшеничнымъ хлѣбомъ, полынью и холоднымъ ладаннымъ духомъ — церковнымъ запахомъ изъ настежъ раскрытыхъ дверей.

Платовъ снялъ киверъ, обмахнулъ рукавомъ мундира пыльные, свислые усы, принялъ блюдо съ хлѣбомъ, передалъ его адъютанту, обнявъ говорившаго, крѣпко поцѣловалъ его въ сѣдую бороду и тихо, устало проговорилъ:

— Никто, какъ Богъ, родной? Никто-же, кромѣ Его! — вздохнулъ и рѣшительно вошелъ въ церковь.

За нимъ толпою, даваясь и тискаясь въ широкихъ и низкихъ дверяхъ — аркой, пошли казаки и казачки.

Съ клироса плавно несло чтеніе чтеца, и четко отдавались слова въ каменныхъ сводахъ подъ куполами:

— Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ, Царю Небесный, утѣшителю...

Шла проскомидія.

Послѣ полдника у отца протопопа, гдѣ были станичный атаманъ и всѣ почетные старики станицы, Платовъ перешелъ въ гостиную, гдѣ сѣлъ на диванъ подѣ портретомъ митрополита и бесѣдовалъ о войнѣ.

В. В. Верещагинъ. Наполеонъ на Поклонной горѣ ждетъ депутацию бояръ

Передъ нимъ, на овальномъ столѣ, накрытомъ сквозною, связанною изъ нитокъ съ кисточками по краямъ узорною скатертью, стояла большая чашка съ чаемъ, варенье на блюдахъ и домашніе коржики и сухари.

— Это кто же такое рѣдкое варенье изготавилъ? — спросилъ Платовъ. — Ладно сварено. Цѣлыми ломтями со шкурой. Апельсиновое! Я такого и у матушки Государыни не ѣдалъ.

Любанька, хлопотавшая у угольного столика, гдѣ стоялъ самоваръ, вся зардѣлась.

— Ты, что-ли, дѣвушка?

Все лицо Любаньки заблестѣло, точно лакомъ покрылось. Длинные, густые рѣсницы покрыли тѣнью большіе глаза.

„Вотъ, теперь и спросить о Ванюшѣ“, — думала Любанька, — „какъ онъ въ его атаманскомъ полку поживаетъ? Не прислалъ-ли съ нимъ мнѣ какъ о й писульки? Нѣтъ, Ванюха мой робкій. Поди не по-

смѣлъ утрудить атамана.“ Опустивъ точеную головку на бурно дышавшую грудь, раскраснѣвшая Любанька стояла, какъ въ забытѣ. Дрожали подѣ кубелекомъ ея колѣни.

Всталъ изъ-за стола атаманъ. Пора ему дальше ѣхать. Затолпились, затолкались въ дверяхъ старики. Торопились впередъ атамана выйти, чтобы подхватить его подѣ бѣлые руки, съ почетомъ усадить въ высокую бричку.

Остались въ горницѣ атаманъ, протопопъ и Любанька.

Платовъ подошелъ къ отцу протопопу подѣ благословеніе и поцѣловалъ ему руку.

— Ну, спасибо, святой отецъ, за хлѣбъ, за соль. Славно поподчевалъ. Это что же, дочь что-ли твоя — красавица свѣтлая? Знатныя умѣетъ она учинять варенья.

— Дочка моя, богоданная, атаманъ.

— Просватана, или нѣтъ? — спросилъ атаманъ. — Бѣда съ ними. У меня своихъ цѣлый косякъ растеть.

— Просватана, атаманъ. На прошлую Красную горку чаяли уже и свадьбу сыграть. А вонъ оно какъ обернулось!

— Ничего, дѣвушка, — обернулся Платовъ къ Любанькѣ. — Богъ дастъ, вернутся дѣтушки со славою. Еще крѣпче любить будетъ. Чьихъ женихъ-то твой будетъ?

— Минаевыхъ, — чуть слышно сказала Любанька. — Вашего атаманскаго полку хорунжій Иванъ Минаевъ. Вотъ онъ кто мой женихъ.

Уперла на слово мой. И уже смѣло и гордо взглянула на атамана, всего обогрѣла теплымъ взглядомъ темнокарихъ, прекрасныхъ глазъ. Возгордилась, что такой молодецъ, какъ хорунжій Иванъ Минаевъ, ее облюбовалъ и намѣтилъ. Тихо добавила, потупляя глаза:

— Гдѣ онъ... мой-то... любимый?...

— Уже въ дверяхъ былъ Платовъ. Надѣвалъ на голову съ рѣдкими, темными, сѣдьющими волосами киверъ съ перомъ. Обернулся къ Любанькѣ, всю оглядѣлъ острымъ, блестящимъ, будто злымъ взглядомъ и сказалъ тихимъ голосомъ и очень строго:

— Не твой онъ... Слышишь, дѣвушка, вовсе не твой... Не твой... Былъ Государевъ!... Нонѣ Божій онъ...

Выскочилъ за дверь и оттуда рѣзко крикнулъ:

— Божій, Христовъ воинъ!...

Закричали въ сѣдья бороды ура старые казаки, подхватили Платова подъ локти и понесли его къ бричкѣ. Загремѣло казачье ура на площади. Загигали, застрѣляли изъ длинныхъ турецкихъ пищалей малолѣтки, звонарь ударилъ въ колоколъ, залились бубенцы свѣжей тройки, и помчалась назадъ изъ станицы атаманская бричка.

Любанька прислонила къ стѣнѣ. Ноги ее не держали. Тамъ ура, колокола бьютъ праздничнымъ перезвономъ, ружья палятъ, тамъ гомонъ взбудораженной станицы, а она точно ничего не слышитъ. Такъ тихо, тихо у ней на душѣ. Всю радость ее, всю жизнь ее взяли эти страшныя слова атамана:

Оставленіе Москвы.
Иллюстр. Апсита къ „Войнѣ и миру“

Христовъ воинъ — ну и я ко Христу сама пойду. Стребую у Него. Вотъ она я: верни мнѣ его!... Моего любимаго!...

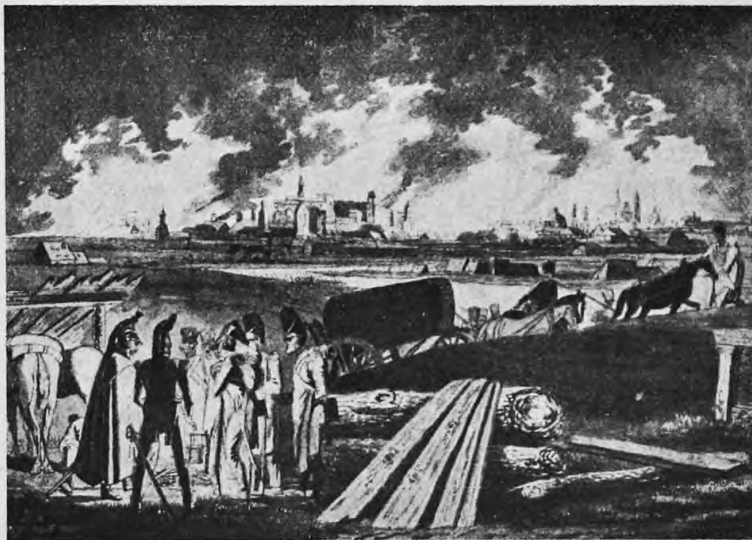
Станица ходуномъ ходила, жизнью кипѣла по отъѣздѣ Платова. Съ хуторовъ понаѣхали казаки — формировали двѣ сотни идти на войну — стариковъ сотню и малолѣтковъ сотню. Оставались дома только женщины, дѣти малыя да самыя дряхлыя старики.

По кабакамъ и по хатамъ играли пѣсни, прощались съ Дономъ родимымъ, заливали виномъ тоску-разлуку. По утрамъ готовили коней, шили дорожное — походное платье, укладывали переметныя сумы разнымъ припасомъ. По всѣмъ хатамъ задолго до разсвѣта въ темной ночи полыхали пламенемъ широкія печи, хлопотали подлѣ нихъ казачки, сажали пироги, сушили сухари, провожали своихъ кормильцевъ.

Отецъ протопопъ вынулъ изъ храма, отъ дверей царскихъ икону Божіей Матери, благословилъ ею казаковъ на службу Государю и Родинѣ.

Съ пальбою и пѣснями ушли за Донъ казаки хмурымъ осеннимъ утромъ. Низко легли надъ степью тяжелыя черныя тучи и грозили снѣгомъ — метелью. Липка была тяжелая степовая грязь, холодны мокрые ночеги. Каждый, глядя имъ вслѣдъ, думалъ: каково-то имъ въ пути — дорогѣ дальней!...

Любанька была ко всему равнодушна. Холодно, сдвинувъ тонкія, темныя брови, стояла она на крыльцѣ, взялась одною рукою за точеный столбчикъ, глядѣла вслѣдъ уходящимъ, какъ скрывались они, точно таяли въ туманныхъ

Пожаръ Москвы. (Стар. грав.)

просторахъ, слушала, какъ заигралъ въ небѣ далекій звонкій подголосокъ и думала о своемъ: „вотъ настанетъ зима — либо въ прорубь брошусь донскую, либо еще что худшее учиню надъ собою“...

— Любанька, — обозвалъ ее протопопъ, — возьми-ка ширинку лиловую, шелковую, да пойдѣ въ церковь, навѣсь на томъ мѣстѣ, гдѣ икона Богородицы висѣла, а то неладно — доски видать.

Не разъ ходила въ церковь Любанька, не разъ оставалась она въ ней одна, когда мыла и перетирала иконы, разстилала ковры, чистила порошкомъ мѣловымъ паникадила. Не боялась она храма Божьяго — выросла въ немъ. Была въ немъ своя.

А сейчасъ вошла и оробѣла. Круглая арка нависла надъ притворомъ, и въ нее видно царскія, затворенныя врата и низкій, въ одну ступеньку, амвонъ. Надъ царскими вратами чуть мигаетъ негасимая лампада краснаго стекла. Мечется въ ней огонекъ, горитъ неровно, точно хочетъ погаснуть. Въ церкви холодный сумракъ. Звонко отдають по каменнымъ плитамъ шаги Любаньки, и кажется, что кто-то шепчетъ въ алтарѣ.

За высокими окнами вправо и влѣво — голые сучья тополей и липъ, сѣрое небо и пустыя улицы станицы. Подошла Любанька къ Царскимъ вратамъ, преклонила колѣни, перекрестилась бездумно, безмолитвенно, встала и стала укрѣплять лиловую ткань, закрывать ею пустыя доски.

Когда кончила, стала опять на колѣни, коснулась лбомъ пола и застыла въ молитвѣ. Просила Божию Матерь отпустить ее къ жениху, къ Ванюхѣ любимому. „Пусть и меня возьметъ къ себѣ Христосъ. Не могу я жить на землѣ съ лютымъ моимъ горемъ!“

Долго и жарко молилась Любанька. Наконецъ, поднялась, оглянулась... — Свѣтъ несказанный шелъ изъ алтаря. Прозрачными стали доски и ширинки, которою завѣсила ихъ Любанька. Безконечная даль развернулась въ золоченой рамѣ, гдѣ была икона. Голубая была даль и такая прозрач-

Въ Москвѣ при французахъ 2 окт.

трѣла на Нее Любанька.

— Матушка! Царица Небесная! Что-же съ Тобою? Али и Ты на войнѣ съ казаками была?

Улыбнулась Божія Матерь Любанькѣ тихой, женской улыбкой и сказала, — какъ во снѣ слышишь голосъ, а голоса нѣтъ, такъ услышала Ея слова Любанька.

— Потрудись, Любанька, на меня. Обряди меня въ ризы свѣтлыя. Зачини мои одежды рваныя...

Очнулась Любанька... Ничего и нѣтъ. Виситъ лиловый платъ на мѣстѣ иконы... Только нѣтъ и горя безкрайнаго.

— Почему о земномъ, объ одеждѣ сказала Небесная?... Ей-ли о ризахъ думать, когда Господь Ее одѣваетъ, — ворчалъ протопопъ. — Загадала загадку намъ. Обсудить, обсудить, Любанька, надо сонъ твой необычный... Не напрасно Божія Матерь безпокоила Себя, являлась къ тебѣ грѣшной... Покайся, о чемъ молилась?

Любанька покаялась отцу, всѣ свои мысли открыла, развернула передъ нимъ всю свою лютую тоску.

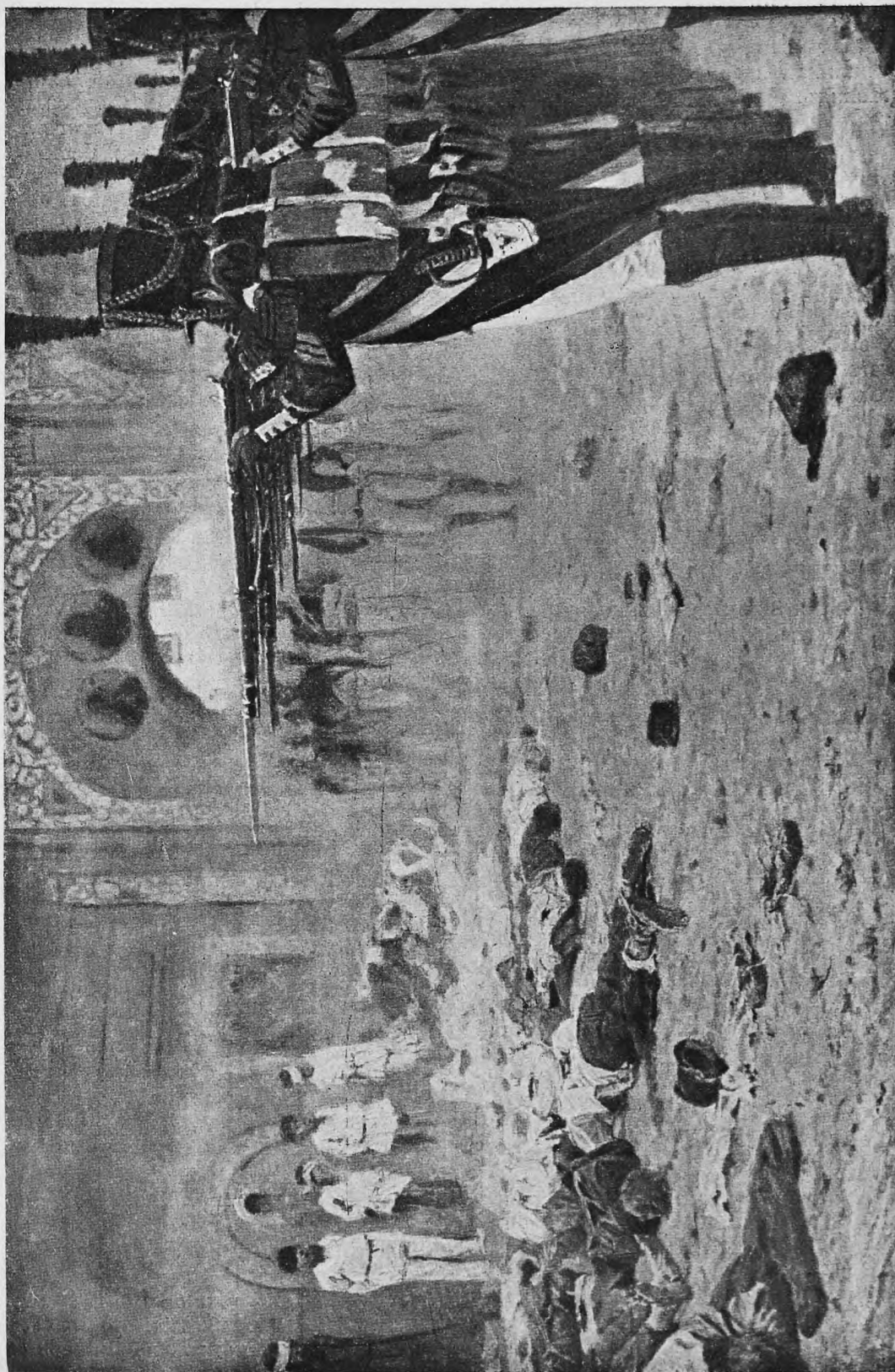
Ушелъ отецъ протопопъ къ себѣ въ горницу и долго молился и, когда вечеромъ вышелъ къ Любанькѣ, его лицо было ясно, и свѣтлымъ огнемъ свѣтились сѣрые глаза.

— Ну, Любанька, все мнѣ стало ясно. Открылъ мнѣ Господь великую тайну. Не о небесномъ, не о смерти должны быть твои мысли, но о земномъ, о работѣ, о трудѣ. Потрудись для церкви. Привезутъ станичники икону — такъ обряди ее, какъ еще никто

В. В. Верещагинъ

Возвращеніе изъ Петровскаго дворца

В. В. Вережгинъ

Разстрѣлъ поджигателей

не обряжалъ... Надо исполнить волю Царицы Небесной...

Настала зима. Засыпала, завалила станицу снѣгомъ, заровняла всѣ стежки, дорожки, засыпала колодцы, налипла на высокихъ журавляхъ. Любанька работала, не покладая рукъ. Въ высокихъ валенкахъ натоптала слѣдокъ къ колодцу, на базы, на конюшню, на птишню. Она носила тяжелыя липовыя ведра съ водой, поила лошадей и скотину, наливала птицамъ въ глиняныя чашки. Саднили плечи отъ тяжелаго, зыбкаго коромысла, болѣла спина и ноги — такъ и надо, думала Любанька.

Ночью стояла на крыльцѣ, смотрѣла на звѣзды, на страшную комету. Ждала не казакѡвъ, не жениха своего, а ждала саму Божию Матерь.

О войнѣ слышали глухо. Подался французъ назадъ, мерзнетъ шибко. Наши бабы его въ полонъ берутъ.

Что вѣщаетъ страшная хвостатая звѣзда — кому сулитъ горе? Ему или намъ?

Подъ Рождество радостный прїѣхалъ протопопъ изъ епархіи, куда съ нарочнымъ его вызывали.

Прогнали наши Бонапарта!

Привезъ протопопъ молитву новую. Собирались пѣвчихъ, заставлялъ и Любаньку пѣть: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!..“

Пѣли ее въ самый сочельникъ передъ всею ночью.

Послѣ Крещенья отецъ протопопъ снаряжился въ далекій путь и собралъ съ собою Любаньку. Запрегъ пару коней и по лютѡму зимнему морозу повезъ дочку въ Москву обучать ее дѣлать достойную ризу — хитонъ Божіей Матери...

Осенью 1814 года вернулись казаки изъ далекаго заграничнаго похода. Были въ самомъ Парижѣ. По наказу Платовскому привезли за пазухой чубуки французскихъ виноградныхъ лозъ — будутъ вино дѣлать — не хуже заграничнаго. Отъ усердія своего привезли въ станичный храмъ три пуда серебра и икону лучшаго испанскаго мастера.

Въ домѣ отца протопопы вскрывали ящикъ съ тою иконою.

Дивной красоты была икона, писанная не на деревѣ и не на камнѣ, какъ обычно, а на холстѣ. Несказанно прекрасенъ показался изъ соломы и бумаги чистый Ликъ Приснодѣвы и ликъ младенца Христа, небесной красоты были лики ангеловъ, порхавшихъ у ногъ Божіей Матери. Но когда сняли всѣ доски ящика, казаки развернули солому — ахнули, застонали отъ досады. Весь голубой, красоты поразительной

Бивуакъ подъ Дорогобужемъ. Совр. рис.

хитонъ, бѣлая рубашка были поцарапаны и разорваны гвоздями. Никуда не годилась икона. Никакому мастеру ее не исправить!

Отецъ протопопъ переглянулся съ Любанькой. Опустила глаза дѣвушка и тихо сказала казакамъ:

— Ничего... Такъ и должно было быть... Я исправлю.

Отъ разсвѣта до темноты стучить Любанька молоточками по серебря-

ному листу, положенному на свинцовую подушку. Выбиваетъ складки хитона Божіей Матери, чтобы точно рѣяли онѣ на вѣтру. Проводить каемку узора, расцвѣчиваетъ хитонъ нѣжными лиліями.

Молодцоватый сотникъ Пискуновъ — усы кверху, бакенбарды, какъ у Благословеннаго, бѣлый крестъ на груди, — сидитъ подлѣ, подаетъ ей чеканы.

По французскому напѣваетъ:

„Vive Henri Quatre
Vive le Roi galant“.

Говоритъ, что сватовъ будетъ засылать къ Любанькѣ, говоритъ о томъ, что его сердце пылаетъ, какъ вулканъ, что страсть его подобна океану — многое „неподобное“ говоритъ онъ Любанькѣ. А Любанька хмуритъ брови, глядитъ въ серебряный листъ и старается вспомнить тѣ лохмотья, что были на хитонѣ у Божіей Матери, и думаетъ — неужели такъ ей указала Божія Матерь, старое зачинить, зажить по новому? О земномъ ей повелѣно думать?

— Вотъ кончу ризу чеканить, тогда посмотримъ, — вздыхая, говоритъ Любанька.

— Да вы, Любовь Николаевна, никогда не кончите, такъ будете дѣлать. Вы, кажись, самыя жилки на лиліяхъ въ серебрѣ передать хотите.

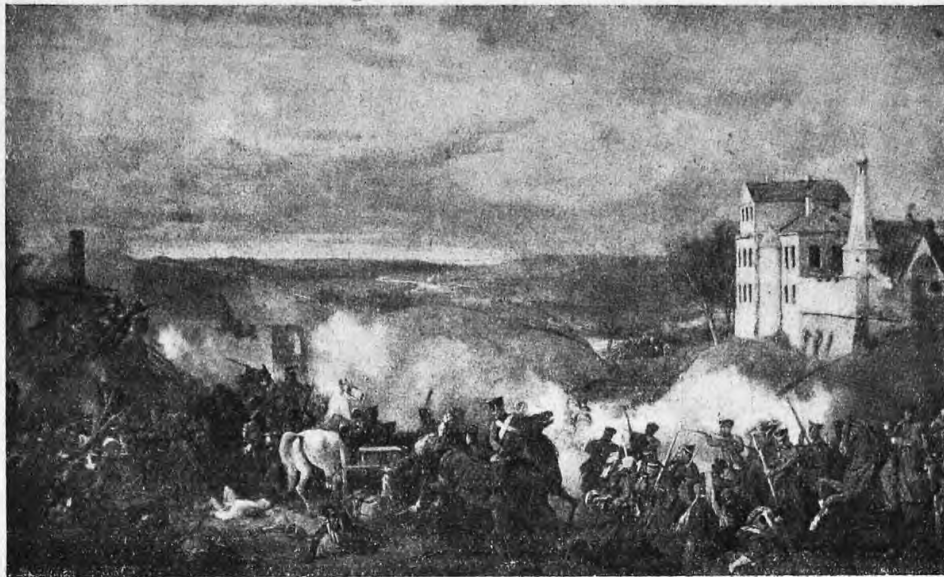
— А вы, Григорій Ивановичъ, то помыслите, кому я ризы тѣ дѣлаю?.. Развѣ можно роптать?

— Я не ропщу... — смущенно говоритъ Пискуновъ — и мнетъ въ сильной рукѣ обломки серебра...

Стучить молоточекъ, выбиваетъ выбоинки, проводить черточки, тонкія, какъ волоски. Встанетъ Любанька, сниметъ со свинца серебряные листы, надѣнетъ на стоящій на подставкѣ образъ Божіей Матери.

Дышатъ серебряныя лиліи, точно брошенныя длинной гирляндой по платью. Будто благоухаютъ сладкимъ и нѣжнымъ духомъ. Трепещутъ одежды, тонкій узоръ струится по подолу — художественна чудная работа. Идетъ въ ней Божія Матерь по облакамъ, рѣютъ складки ея хитона.

Оглянется Любанька на Пискунова, на сочныя его губы, на усы, что у кота, врозь тор-

П. Гессъ

Сраженіе подъ Мало-Ярославцемъ 12 октября

чаще, на взвихренные, припомаженные волосы, улыбнется внутрь, будто душъ своей улыбнется, и смотреть въ божественный ликъ Приснодѣвы. Полонъ любви и благодарности свѣтлый, блистающій внутренними огнями взглядъ Любаньки.

— Я еще, — задумчиво говоритъ она, — такія же ризы Спасителю хочу сдѣлать — въ одинъ чтобы тонъ. Только рисунокъ пушу другой... Съ розанами... Я хочу весь иконостаъ серебромъ обложить.

— Это уже послѣ... потомъ, — едва выго-

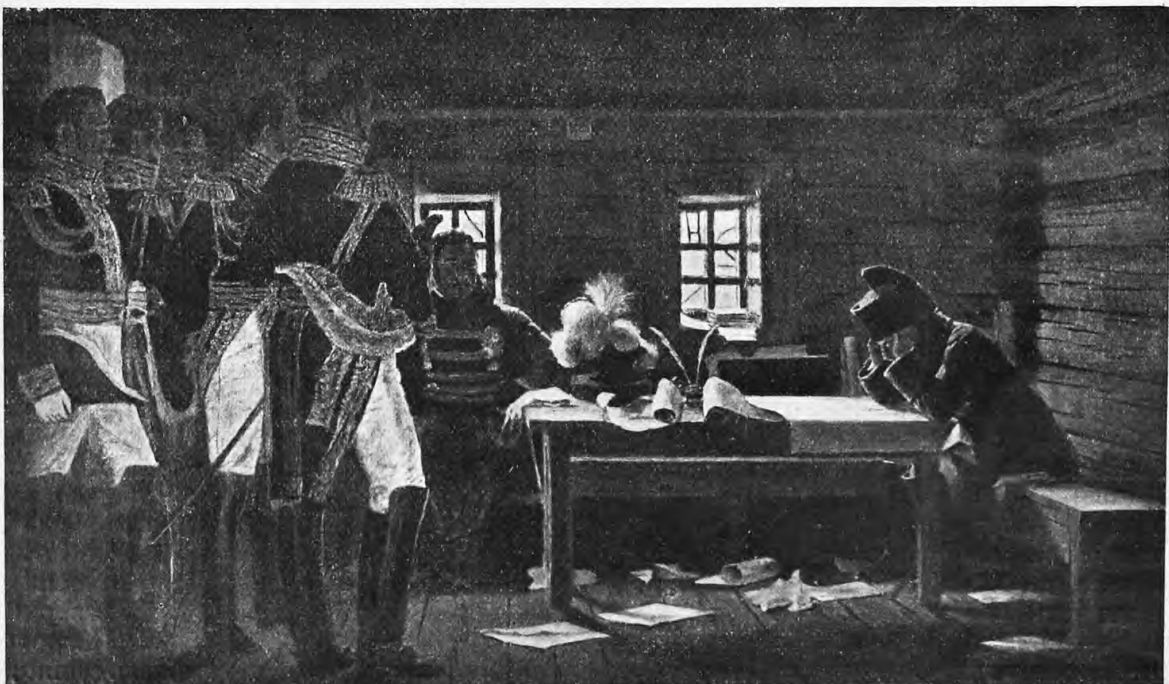
Сентябрь 1927 г.
Сантени — Франція

вариваетъ задыхающійся сотникъ Пискуновъ. Дрожитъ на его груди бѣлый крестъ — за сраженіе подъ Краснымъ пожалованный. Ходить нога въ красномъ лапсѣ шароваръ.

Любанька долго смотритъ въ сіяющіе глаза молодца - казака. Полонъ нѣжной, тихой, кроткой и благодарной любви ея взглядъ.

— Да, потомъ... — тихо выговариваетъ она одними губами, вспыхиваетъ, кладетъ чеканку на свинецъ и стучитъ, стучитъ, стучитъ молоточками, точно торопится кончить свѣтлыя ризы Божіей Матери.

П. Красновъ

В. В. Верещагинъ. Въ Городнѣ послѣ сраженія 12 октября. — Пробиваться или отступать (Сидятъ — Наполеонъ и Мюратъ. Стоитъ ближайшій къ столу — нач. штаба маршалъ Бертье)

П. ГЕССЪ

СРАЖЕНИЕ ПОДЪ КРАСНЫМЪ 5 НОЯБРЯ 1812 г

Я сидѣлъ на станціи подѣ Ржевомѣ у лавочника Сергѣя Петровича и пилъ чай съ „нерабелю“. (Противъ вокзала лавка Сергѣя Петровича: занимался онъ торговлей и промышлялъ лѣсомъ).

Въ гостиной, гдѣ мы чаи распивали, висѣлъ надѣ диваномѣ увеличенный съ карточки портретъ Сергѣя Петровича, и со стѣны глядѣлъ онъ совсѣмъ внушительно: крѣпкій, чуть съ сѣдинкой и цѣпь на шеѣ — пятнадцать лѣтъ прослужилъ онъ волостнымъ старшиной. Всякое довѣріе и уваженіе внушалъ къ себѣ Сергѣй Петровичъ. Хозяйничала дочка его, Таисія Сергѣевна, тоненькая и гибкая и совсѣмъ непохожая на учительницу, а упражняться бѣ ей въ балетъ куда пристойнѣе, и чашки изъ ея руки сами-собою подавались.

Сергѣй Петровичъ говорилъ и крѣпко и мѣтко: хотѣлось ли ему показать товаръ лицомъ и вѣсь свой — виды, виданные за свою дѣятельную жизнь, или просто сегодня въ дѣлахъ его удача, и онъ въ ударѣ.

Отъ хозяйственныхъ дѣлъ разговоръ перешелъ къ политикѣ и народу: сталкивался Сергѣй Петровичъ не съ однимъ десяткомъ, и, надо полагать, словъ не бросалъ на вѣтеръ. Какъ блюдо съ горячимъ чаемъ, такимъ вкуснымъ послѣ жаркаго дня, подносилъ Сергѣй Петровичъ народную мудрость: а и умница же и умственный!

„Тотъ, кто укралъ, — такъ по его выходило, — несчастный, а тотъ у кого украли, — дуракъ; всѣ дармоѣды, и только попъ, нищій да странникъ — настоящіе“.

Въ трехъ словахъ укладывалъ Сергѣй Петровичъ суть всю и затѣмъ, развивая мысль, примѣрами поддвигалъ, словно проконопачивалъ крѣпкій срубъ.

„Укралъ ты, воръ ты пропащій, а запрягутъ тебя въ кузку, и ты ужъ „несчастный“ — и пальцемъ тебя нельзя тронуть, а баранокъ и калачей тебѣ надо, желѣтъ тебя надо, не-

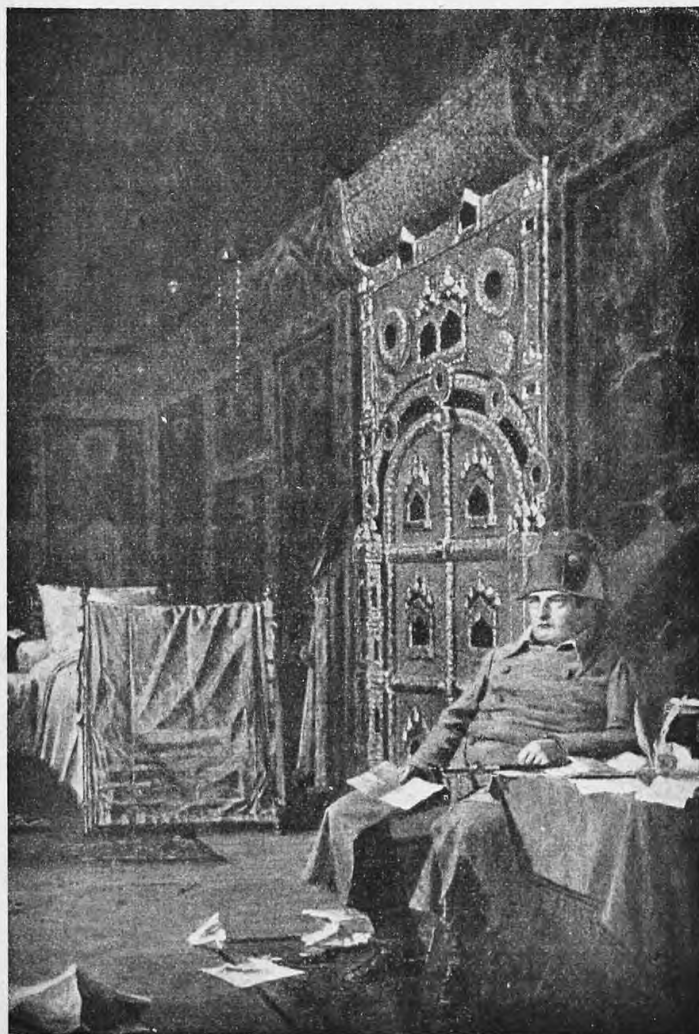
годая. А тотъ, у кого украли, купецъ обокраденный, дуракъ — и, конечно, дуракъ: чего зѣвалъ, чего далъ надѣ собой мудрить всякому, эка, карманъ подставилъ! Попъ, батюшка нашъ, какъ ты ни верти, и пускай онъ и такой и сякой, а безъ него нельзя: безъ него ни начала, ни конца нѣтъ, вся жизнь съ нимъ, за его глазомъ — и окрестить, и повѣнчать, и похоронить; безъ него невозможно. И безъ нищаго тоже никакой жизни нѣтъ: нищая братія обязательно! надо же человѣку и о душѣ подумать. И страннику мѣсто есть, въ словѣ Божьемъ о странникѣ сказано: и странникъ для души. Такъ? А по правдѣ вамъ сказать, — Сергѣй Петровичъ хлебнулъ горяченькаго, облизнулъ усы, — по настоящему-то, настоящихъ-то и нѣтъ никого, всѣ дармоѣды“.

И тутъ малость перегнулъ Сергѣй Петровичъ, самъ на себя поклѣпъ возвелъ! Мнѣ припомнилось, когда шли мы съ вокзала, около будки, видимъ, сидитъ нищій безрукій: одной руки совсѣмъ нѣтъ, а другая култышка. Мы остановились. Сергѣй Петровичъ вытащилъ три

копѣйки, мельче не оказалось, — а положилъ онъ для души семитку дать! — и говорить: „копѣчку сдачи?“ — да чтобы долго не мѣшкать, самъ въ жилетку къ безрукому и запустилъ пальцы, пошарилъ, вынулъ копѣйку и себѣ въ карманъ, и мы пошли. И я помню: какое умиленіе и душевный покой сіяли на его лицѣ. Нѣтъ, нищихъ-то онъ признавалъ за „настоящихъ“ и о душѣ помнилъ: я думаю, случись съ нимъ грѣхъ какой — Сергѣй Петровичъ все въ гору идетъ, съ лѣсомъ дѣла растутъ, мало ли грѣхъ какой! — такъ онъ въ духовной тысячу на колоколь запишетъ, чтобы „вызвонить душу изъ ада“.

„Дармоѣды, всѣ дармоѣды!“ — знай себѣ твердилъ Сергѣй Петровичъ и не благодушно, а всурьѣзъ.

„А много тутъ по вашей, Волгѣ стран-

В. В. Верещагинъ. На этапѣ 24 октября
(Дурныя вѣсти изъ Франціи)

никовъ ходить?“ — любопытствовалъ я.

„Этого народа, сколько хотите! И все имъ съ рукъ сходить, — Сергѣй Петровичъ даже покраснѣлъ весь: или осердился или пришла на человѣка такая точка? — дармоѣды, разбойники, только народъ мутятъ. Другой разъ попадетъ такой смиренникъ и такой постникъ, и такія слова божественныя, уши развѣсишь, прямо въ угодники мѣтитъ: „Затеplилъ, — скажетъ, — передъ Господомъ Богомъ лампаду!“ — и глаза опустить. А это понимай: спалилъ деревню! Вотъ онъ какую лампадку затеplилъ, дармоѣды!“

Хозяйственный человѣкъ Сергѣй Петровичъ и, хоть поговорить онъ не прочь, да тоже долго разсуживаться съ разговорами ему не полагается: можетъ, онъ и осердился, что очень я долго сижу за чаемъ, ужъ вечеръ — въ комнатѣ засумерилось, пора ему въ лавку, пора по хозяйству навѣдаться.

Допилъ я, не знаю который стаканъ — безъ счета пили — прощаюсь.

Таисія Сергѣевна, вышедшая во время нашего разговора, вернулась:

„На дорогѣ у школы, — сказала она, — странникъ стоитъ: чудной! хотите посмотрѣть?“

*

Издаleка я увидѣлъ народъ — много было народу, но ни шума, ни гама не слышно. И чѣмъ ближе я подходилъ и чѣмъ яснѣе разглядывалъ лица, тѣмъ становилось тише, а и безъ того былъ тихій вечеръ.

И вотъ я увидѣлъ его —

Бабы съ плѣнными

Тѣсно, но не близко стоялъ народъ: впереди ребятишки, потомъ бабы — никто не рѣшался заговорить, стояли и смотрѣли; и было такъ, будто онъ совсѣмъ далеко и, если скажешь, все равно до него не дойдетъ твой голосъ, и оттого-то можно только смотрѣть и ждать — не подойдетъ ли поближе?

У изгороди стоялъ онъ: и тоже смотрѣлъ и смѣло и съ тѣмъ правомъ, котораго никто

изъ насъ не чувствовалъ въ себѣ: въ парусиновомъ хитонѣ (въ ряскѣ), въ черномъ суконномъ плащѣ, безъ шапки, и волосы по плечи, чуть взбиты, на ногахъ сандалии, большой крестъ на груди и въ рукахъ посохъ — лицо совсѣмъ молодое, только очень изнуренное, лѣвой рукой онъ держался за изгородь, чуть наклонясь, и рука его казалась необыкновенно бѣлой, не рабочая, бѣлая такая.

Когда я подходилъ къ нему, я дѣлалъ усилія надъ собой, а когда подошелъ и сталъ лицомъ къ лицу, я ужъ не зналъ, какъ и говорить съ нимъ.

И онъ отвѣтилъ мнѣ и такъ улыбнулся, такою улыбкой — я подумалъ: „Боже мой, да это одно самое доброе желаніе и засвѣтилось въ этой улыбкѣ!“

Ребятишки поближе подвинулись —

Народъ не расходился, еще и еще подходили. Еще тѣснѣе стало, стояли молча, смотрѣли, прислушивались, и я почувствовалъ, что улыбка его не только свѣтитъ...

Началъ я съ разспросовъ о старцахъ: гдѣ нынче старцы у насъ спасаются и много ль ихъ и какъ отыскать? И онъ мнѣ толково раска-

И. Терebeneвъ.

Французы уходятъ

залъ о всякихъ пустыняхъ и дороги объяснилъ до тропочекъ — прямыхъ путемъ доведутъ, и имена называлъ старцевъ, о которыхъ я до тѣхъ поръ ни отъ кого и ничего не слыхалъ.

Отъ старцевъ разговоръ перешелъ къ тѣмъ громкимъ лицамъ, подъ двусмысленнымъ названіемъ „старцы“, надъ которыми въ тѣ предгрозныя времена раздраженно подтрунивала Россія: „дармоѣды“.

„Рано за дѣла. принимаютъ, — сказалъ странникъ, — все чудеса хотятъ творить; а вмѣсто чудесъ, смотришь, одинъ вредъ: и себѣ и другимъ. А ты сперва Бога въ сердце прими, и когда одно Божье будетъ въ твоёмъ сердцѣ, и отъ твоего дѣла никому жъ не будетъ вреда.“

И опять заговорилъ о своихъ невѣдомыхъ „заволжскихъ“ старцахъ, которыми „законъ не лежитъ“: а потому не лежитъ, что приняли они въ свое сердце Бога и творятъ волю Божью. А достигли они такого состоянія или черезъ отреченіе отъ своей воли или — —

„Товарищъ мой въ послушаніе къ старцу пошелъ и живетъ такъ: ему такъ и надо жить у старца. А я хожу — расточаю!“

И опять улыбнулся и черезъ эту его улыбку прошло столько добрыхъ желаній! Хотѣлось просто, ничего не спрашивая, только смотрѣть на него, какъ смотрѣли ребятишки, смотрѣли бабы, смотрѣли старики и старухи.

„Что же это такое „расточать“? — спросилъ я.

„Божьи дары расточаю, — сказалъ странникъ, — сердце надо очистить: вернуть Богу дары Его; и ужъ въ чистое сердце Бога принять... и тогда одно Божье будетъ въ твоёмъ сердцѣ и отъ дѣла твоего никому не будетъ вреда: вѣдь отъ самаго добраго человѣческаго желанія, а какое можетъ выйти страшное зло!“

Я хотѣлъ спросить, хотѣлось мнѣ знать: какъ же это такъ вернуть Богу дары? и много ль даровъ? и какъ поступить съ тѣми дарами, которые Богомъ благословенны, ну, съ милостыней и милосердіемъ, ихъ тоже вернуть? и дѣтей? и любовь?

„Кваску бы мнѣ испить!“ — весело вдругъ сказалъ странникъ и немного подвинулся отъ изгороди къ намъ.

И тутъ какой-то парень бросился въ школу и ужъ въ обѣихъ рукахъ тащитъ полный ковшъ.

Не торопясь, принялъ странникъ ковшъ, отхлебнулъ большой глотокъ (замѣтно было, какъ сильно мучила его жажда!), но больше не притронулся, рукой вытеръ губы.

„Квасъ, да не про насъ!“ — и посмотрѣлъ. И всѣ отступили.

И онъ пошелъ, не обернулся, по дорогѣ пошелъ по нашей по просторной — и твердо и легко ступалъ по землѣ одинъ съ своимъ посохомъ.

Алексѣй Ремизовъ

Я. Хмѣльницкій. Бѣгство Наполеона черезъ границу 26 ноября — въ день св. Великомученика Георгія

ИСХОДЪ МОСКОВСКІЙ

Глава „Пожара Москвы“

Москва восходитъ столбомъ пыли до неба. Несетъ по низкому полю пыльные тучи, какъ будто далеко машутъ дымныя крылья. Солнце летаетъ въ поднятыхъ пескахъ косыми блистаньями.

Его гренадерскій синій нагрудникъ сталъ какъ изъ сѣраго бархата. Накалился киверъ, мѣдный козырекъ жжетъ лобъ. Онъ съ лязгомъ подымается на стремянахъ, вспыхивая бѣлыми ремнями и мѣдью.

Колыхаетъ желтоватая мгла, блистаетъ, гаснетъ. Съ гулкимъ стенаніемъ катятся въ пыльной мглѣ стада тѣней, какъ будто самъ Харонъ гонитъ полчища душъ въ мутныя воды Стикса.

Гнѣдой Тезей храпитъ, грызетъ замыленный влажный мундштукъ. Бокъ коня заметенъ косо пылью, какъ замшей.

Мутная дорога гудитъ, сотрясается, точно тысячи голосовъ глухо тянутъ одну долгую ноту —

— А-а-а-а-а.

Снопамъ молній сверкаютъ стекла каретъ. Вереницы воевъ плывутъ громадными тѣнями. Страхивая молній со стеколъ, качается московскій рыдванъ. Двое слугъ на высокихъ запяткахъ — статуи изъ пыльнаго бархата. Дворовые бѣгутъ у громадныхъ колесъ, — у всѣхъ шапки въ рукахъ, — сѣрыя, жесткія головы, сѣрыя лица, сѣрыя бороды — мужики изъ сѣраго бархата бѣгутъ у барскихъ колесъ. Орутъ ошалѣлые возницы, гремитъ потокъ телѣгъ, воевъ, фуры съ казенной кладью, — зеленые долги ящики, — ныряютъ въ волнахъ пыли, какъ зеленые гробы, и у солдата-фурлейтора точно бы не одна голова въ киверѣ, а много головъ. На блистающей каретной покрывкѣ бѣгаетъ, присѣдаетъ лягавый щенокъ, бурый въ бѣлыя пятна.

Дорогу смело. Стенаетъ, скрипитъ душный омутъ.

Онъ далъ шенкеля, поскакалъ вдоль дороги канавами. Изъ пылищи выплылъ пѣхотный строй. Пѣхота глухо оттаптываетъ шагъ. Прискаютъ огненные штыки, огненные кивера.

— Братцы — осадилъ Тезея, передохнулъ. — Братцы, не слыхалъ кто, — Голицынскую гошпиталь погрузили?

Солдатъ молча шарахнулся подъ морду коня, шапка мыла стряхнулась на стоячій воротникъ, на кожаный киверъ. По канавамъ, опираясь на трости, прыгаютъ офицеры, — онъ узналъ ихъ въ пыли по тѣнямъ высокихъ треуголокъ.

— Господа, прошу... Не знаетъ-ли кто, — гдѣ Голицына гошпиталь?

Пыльный офицеръ, невысокій старикъ въ зеленомъ мундирѣ съ красными обшлагами и въ рыжеватыхъ пыльных сапожкахъ, замахнулся мохнатой треуголкой:

— Ахъ, батюшка, куда прешь, — на людей.

Краснымъ фуляромъ утеръ блестящую лысинку, сѣдые височки, пожевалъ морщинистыми губами и надѣлъ треуголку —

— А про Голицынскую не знаю, токмо, сказываютъ, всѣ гошпитали французю оставлены... Что творится, судырь ты мой, — и-и — Боже Праведный — что творится... Живъ будь Суворовъ — ужю показаль-бы сію ретираду... Мошенники, клейма имъ ставить — И пѣхотнаго старичка снесло въ пыль.

Фореиторы въ гороховыхъ шинеляхъ, воротники во много ярусовъ, — трясутся верхами на пристяжныхъ. У одного въ рукахъ фонарь на шестѣ, пыльные стекла разбиты. Тянутся гусемъ дормезы. На крутыхъ возахъ то выплеснетъ звономъ и блескомъ замшавѣлая люстра, то вспыхнетъ красная спинка креселъ. Торчмя стоятъ на перинахъ клавесины, а поверхъ перинъ, бурыхъ бауловъ, ковровъ, прыгаетъ серебряная клѣтка съ желтымъ попугаемъ. Заерошены желтыя перья, синіе когти вцѣплены въ прутья, попугай повисъ внизъ головой. У дормеза бѣгутъ простоволосыя дѣвки и калмычата въ полосатыхъ архалукахъ. Княгиня московская, дебелая бригадирша съ Балчуговъ или Сивцева Вражка, плыветъ въ дормезѣ своемъ, окруженная рабынями, попугаями, калмычатами.

Прижавъ къ каретному стеклу блѣдное лицо,

Переправа черезъ Березину

московская барышня долго оглядывалась на черноволосого офицера, который вертится въ пыли на гнѣдомъ конѣ, пробираясь къ Москвѣ, противъ потока.

Топотомъ, гуломъ, тяжело накатывается уходящая Москва.

Петръ Кошелевъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка капитанъ, зналъ, что братъ Павлуша лежитъ въ Московской Голицынской гошпитали: о томъ сказывалъ гренадерскій лѣкаръ, молодой нѣмчикъ, который былъ намеренъ въ Москвѣ съ лазаретными линейками.

Послѣдняя встрѣча съ братомъ была еще лѣтомъ, на Смоленской дорогѣ. Петръ помнитъ, какъ въ сѣромъ небѣ ныряло солнце бѣлымъ блескомъ, какъ гренадерамъ запрудили дорогу мужицкія телѣги, обозъ раненыхъ. Мужики и солдаты галдѣли, раненые матерно ругались и стонали, точно бы нарочно. Петръ прыгнулъ съ коня, чтобы размять ноги. Пошелъ вдоль телѣгъ.

— Братецъ, — позвалъ его тогда Павлушинъ голосъ.

Павлуша, блѣдный и похудавшій, морщась отъ боли и улыбаясь, пытался сѣсть въ сѣнѣ. Съ худого плеча сползла шинель. Пропитанъ темными пятнами его голубой гусарскій ментикъ, порвано золотое шитье, мѣхъ бѣлой опушки слипся бурыми клочьями. Петръ нагнулся къ телѣгѣ и поблѣднѣлъ отъ запаха гноя и корпіи —

— Павелъ, — Богъ Ты мой — Павелъ... Тяжело?

Мальчикъ поморщился, прошепталъ, отвертываясь —

— Въ животъ, братецъ.

— Богъ мой, — въ животъ... Сказывалъ тебѣ, не ходи въ армію, поспѣешь... Не послушалъ... Ахъ, Богъ мой, — сущая бѣда... Гдѣ раненъ, когда?

— Подъ Смоленскомъ, сударикъ, оны тоисть уси подъ Смоленскомъ раны, стало-

Карриатура И. Тербенева „Вороній супъ“

быть — весело и охотно сказалъ за Павлушу русый, плотный мужикъ. Мужики-возчики безъ шапокъ столпились у телѣги, слушая, какъ черноволосый баринъ пеняетъ барчонку.

Обмотанные буримъ тряпьемъ, костлявые солдаты, какъ Лазари въ пеленахъ, подымались съ телѣгъ. Старый солдатъ, въ егерьскомъ киверѣ, вбитомъ бокомъ на обмотанную голову, сталъ въ телѣгѣ во весь ростъ, грозя костлявыми кулаками —

— Чего не пускаешь, — тро-о-гай.

Петръ быстро вытряхнулъ въ сѣно изъ каждой своей сумки съ мѣдными гранатами по угламъ, — кисеть съ червонцами, пачку ассигнацій, полотняные платки, тумпаковые часы, комокъ полотенца, пыжъ пистолетный, томикъ Вольтера въ пергаментѣ съ золотымъ обрѣзомъ, пшеничную булку съ изюмомъ, уже надкусанную, раздобытую вѣчеръ у евреевъ, — все, что было въ сумкѣ его.

— Куда приказано вамъ везти? — зеленые, съ бархатными точками глаза стремительно окинули мужиковъ. Заскользило въ глазахъ Петра сѣрое небо, бѣлый блескъ.

— Въ Москву, извѣстно куды, въ Москву — недружно загудѣли возчики.

— Ежели вы мнѣ брата не обережете, ежели вы...

Павлуша поморщился, поднялъ легкую, сквозящую кисть —

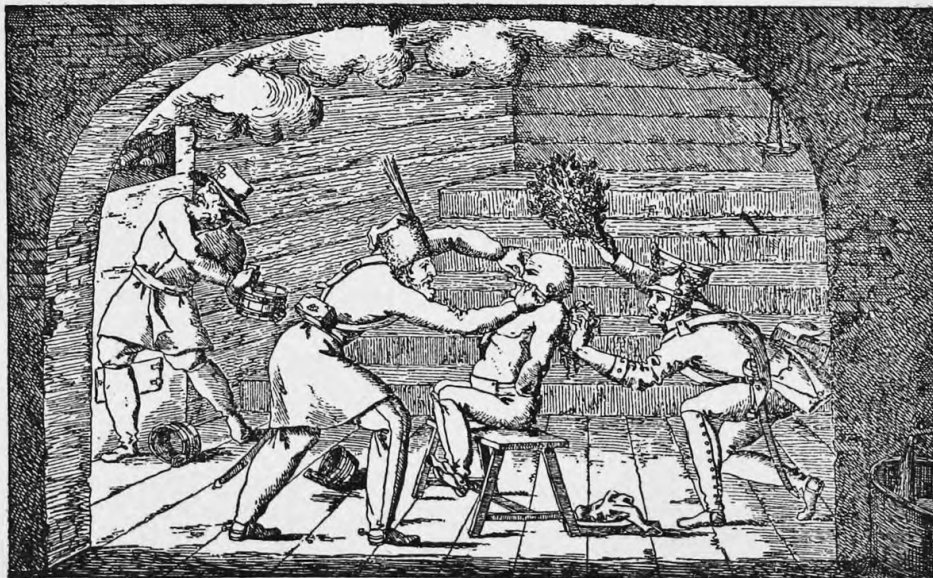
— Братецъ, не надобно... Мнѣ хорошо, мнѣ ничего.

Петръ прикрылъ брата шинелью. Павлу-

шинъ подбородокъ дрожалъ, братъ легко улыбался —

— Не сердись, братецъ... Хорошо... Они меня квасомъ поятъ, зовутъ землячокъ...

Быть не можетъ того, чтобы теперь былъ Павлуша оставленъ въ Москвѣ... Что творится — и-и — Боже Праведный — что творится.

И. Тербенева. „Задали баню!“
Я прежде былъ герой, но что я сталъ теперь?
Въ рукахъ у мужика я скорчился, какъ ъ.

Копыта Тезея шуршатъ въ полегшихъ, выгорѣлыхъ овсахъ. Конь сбивается съ ноги. Въ орѣшникахъ, съ обрыва, Кошелеву снова открылась дорога.

Колыхая, тѣсно и жарко движется внизъ толпа. Тамъ бородачи въ синихъ кафтанахъ, по виду купцы или сидѣльцы, тамъ бабы съ ребятами, попы въ бархатныхъ камилавахъ, мастеровые въ миткалевыхъ халатахъ, похожіе обрѣтыми головами на каторжныхъ.

Всѣ грудятся подъ многопудовымъ кіотомъ. Кованныя ризы огромно пылаютъ въ пыли, душный вѣтеръ бьетъ пестрыя ленты. Кіотные шесты скрежещутъ на полотенцахъ, какъ-будто у мастеровыхъ и купцовъ желѣзные плечи.

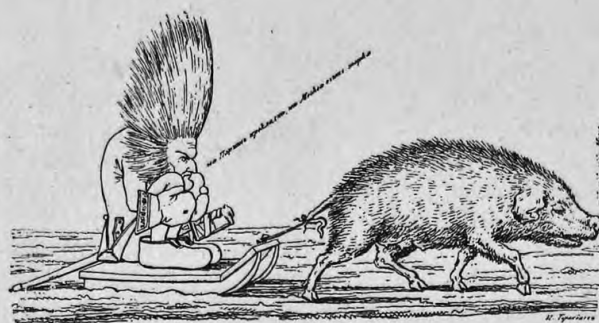
Бряканье мѣдныхъ кадилницъ, стенанья, взрывы глухого пѣнья. Высокій попъ идетъ подъ блистающимъ кіотомъ, у попа свѣчи въ рукахъ, мелькаютъ пчелами огни свѣчей, — высокий попъ въ тяжкихъ ризахъ, какъ-будто закованъ въ мѣдные листы.

Отъ Москвы ударило въ толпу вечернее солнце, прокатило краснымъ блескомъ по головамъ, кіотъ засіялъ громадной багрянницей, каторжные головы, камилавки, бороды отчеканило каленой мѣдью.

Кошелевъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на это пылающее мѣдное шествіе, и не зналъ Кошелевъ, что онъ самъ надъ обрывомъ озаренъ, какъ пылающій мѣдный всадникъ.

Копыта Тезея глухо затоптали по бревенчатому настилу. Отходъ Московскій сталъ доноситься гуломъ согласнымъ, печальнымъ. И чѣмъ дальше въ кварталъ ступалъ конь, тѣмъ согласнѣе и печальнѣе былъ умолкающій рокотъ отхода.

Потянулись сумрачные пустыри, низкія

И. Тербеневъ

Выѣздъ изъ Россіи

строенія старообрядцевъ, бѣлые дома въ одинъ этажъ, подъ желѣзными крышами. На углу разбитый фонарь погнулся на полосатомъ столбѣ. Ворота постоялаго двора — настезь, сорваны съ петель. По двору ходить, — въ грудѣ скляницъ, старикъ въ плисовомъ, рваномъ жилетѣ и въ бѣлой рубахѣ на-выпускъ, — ищетъ чего-то.

Руки старика изрѣзаны въ кровь. Надо думать, солдаты разбили кабакъ, и вотъ ходитъ по двору цѣловальникъ. Пусто въ кварталѣ.

Бухнулъ въ воздухъ пушечный выстрѣлъ. Кошелевъ придержалъ коня, покуда не смолкъ дальній гулъ. Послушалъ согласный шумъ, топотъ и какъ-бы бряцаніе дальней музыки.

Наскакали изъ-за угла синіе донцы. Казаки пригибались къ сѣдламъ, красныя пики прыгали у стремянъ. Одинъ казакъ, чернобородый, блѣдный, круто попятить коня —

— Ваше благородіе, — куды? — казакъ утеръ ладонью лицо, отстегнулъ ремень шапки. Отъ высокой шапки вдавилась въ блѣдный лобъ красная кайма —

— Скажи, на милость, — куды?

Ай, не знаешь, — французъ въ Москву зашедши.

— Полно врать, борода.

— Ей-Богу, зашедши — казакъ

прижалъ пальцемъ ноздрю и шумно высморкался на мостовую. — Повертай, сказано, баринокъ... Вся евонная сила по самому городу поперла.

Вдругъ грянулъ выстрѣлъ, полоснуло огнемъ. Шарахнулся Тезей. Кошелевъ потерялъ стремя, на киверѣ лопнулъ ремень.

Кошелевъ оглянулся, — казаковъ уже не было, а когда поймалъ Кошелевъ стремя и посмотрѣлъ передъ собою, — съ конца пустой улицы, рѣдкой цѣпью, ружья наперевѣсь,

Карикатуры современниковъ

медленно подымались солдаты въ синихъ капотахъ съ красными эполетами. — Французы! — выдохнулъ Кошелевъ, повернулъ коня, ударилъ шпорами по бокамъ. Тезей завертѣлся, залягалъ воздухъ задними копытами.

Кошелевъ обрывалъ еще тугую чушку, вытаскивая пистолетъ, когда его окружили солдаты въ синихъ капотахъ. Смуглый сержантъ съ обвислыми, черными усами ступилъ къ коню и приставилъ штыкъ къ его потной груди. Тезей тотчасъ успокоился, какъ будто того только и ждалъ. Сфыркивая и чихая, замоталъ головой, точно здороваясь съ французами. Другой солдатъ, тоже смуглый, злобно сверкнулъ зубами и вырвалъ у Кошелева пистолетъ. Сержантъ сказалъ что-то спокойно и повелительно, подавая Кошелеву жилистую руку.

Кошелевъ самъ прыгнулъ на землю. Онъ стоялъ, тяжело дыша, среди синихъ солдатъ. Смуглый, съ оборванной, красной эполетой, блеснувъ зубами, ударилъ Тезея прикладомъ по задъ. Конь дрогнулъ и поскакалъ, звеня пустыми стремянами. Солдаты засмѣялись.

„Я потерялъ киверъ. Такъ это и есть плѣнь. Какъ просто,“ подумалъ Кошелевъ.

Его вель подъ локоть сержантъ. Солдаты шли кучкой за русскимъ офицеромъ безъ кивера, негромко переговариваясь. На улицѣ вольнымъ строемъ стоялъ непріятельскій полкъ. Ружья были сложены въ козла. Солдаты сидѣли на мостовой, вдоль забора. Кошелеву надобно было прыгать черезъ пыльные ноги.

Это былъ испанскій батальонъ, выдвинутый къ заставѣ. Сержантъ, за рукавъ, подвелъ Кошелева къ тучному полковнику, которому посреди мостовой поставили вольтеровскія кресла. Съдой испанецъ своей коротко остройженной головой, горбатымъ носомъ и двойнымъ

Памятникъ на Бородинскомъ полѣ

подбородкомъ походилъ на римскаго сенатора. На его бѣломъ жилетѣ, по животу, были отстегнуты мѣдныя пуговицы. Испанецъ что-то жевалъ, щетинистыя, обрюзглыя щеки шевелились лѣнливо.

Онъ кивнулъ Кошелеву, застегнулъ мѣдныя пуговицы на брюхѣ и всталъ съ кресель, встряхнувъ красными эполетами. На короткомъ пальцѣ блеснулъ тяжелый перстень, — испанецъ указалъ на палашъ Кошелева. Палашъ съ серебряныхъ колецъ молча отстегнулъ сержантъ.

Уже стояла ночь, когда Кошелевъ внезапно узналъ стѣны Кремля, отвѣсную, громадную тѣнь въ зеленоватой пустынѣ неба. Сержантъ взялъ его крѣпче подъ локоть. На площади горѣли костры. Тихое зарево волнами ходило по низу Кремлевской стѣны, какъ въ Пасхальную ночь. Французы, — кто безъ кивера, кто въ суконномъ красномъ колпакѣ, въ накидку синіе плащи, — подымались отъ костровъ и молча всматривались въ Кошелева сквозь трепетанье огня. Говоръ, успокоенный, мягкій, рокоталъ на Красной площади. И тогда почудилось Кошелеву, что и площадь, и мягкое рокотанье, и озаренныя стѣны Кремля, вся Москва неузнаваемо — странная, и зеленоватое небо сентябрьской ночи, — все кружитъ въ опьяненіи тихомъ и сладостномъ.

Въ Кремлѣ, у бѣлой церковной стѣны, лошади сонно шуршали сѣномъ. Одна внимательно покосилась на Кошелева.

Сержантъ подвелъ его къ французскому гренадеру въ высокой медвѣжьей шапкѣ съ бѣлыми кистями. Гренадеръ перекинулъ на руку ружье и сказалъ что-то вѣжливо и негромко, толкнувъ въ стѣнѣ кованную узкую дверь.

Дверь захлопнулась съ тяжелымъ звономъ за Кошелевымъ.

Иванъ Лукашъ

НИК. БЕРЕЖАНСКІЙ

СФИНКСЪ, НЕ РАЗГАДАННЫЙ ДО ГРОБА

По поводу легенды о Федорѣ Кузьмичѣ

Извѣстный біографъ императора Александра I, Н. К. Шильдеръ, закончилъ свое тысячестраничное сочиненіе выводомъ, озадачившимъ не одного русскаго историка. Имѣя въ своемъ распоряженіи тысячи матеріаловъ, документовъ, писемъ, дневниковъ, протоколовъ, архивовъ и тщательно изслѣдовавъ ихъ, авторъ классической біографіи Александра Благословеннаго въ итогъ своей изслѣдовательской работы высказался почти за тождественность личностей императора Александра I и сибирскаго старца Федора Кузьмича.

Стоящій на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія, тоже большой знатокъ и специалистъ „александровыхъ дней и дѣяній“, вел. кн. Николай Михайловичъ въ полемикѣ съ Шильдеромъ бросилъ ему упрекъ: „Какъ могъ Н. К. Шиль-

деръ увлечься до того, что закончилъ свой капитальный трудъ словами, которыя могутъ только поддерживать сомнѣнія и смущать образованную публику?..“

Интересно, что въ то время, какъ Шильдеръ говоритъ только въ „сослагательномъ наклоненіи“, вел. кн. Николай Михайловичъ безапелляціонно утверждаетъ, что Федоръ Кузьмичъ былъ самозванцемъ, совершенно упуская изъ виду, что въ легендѣ о Федорѣ Кузьмичѣ все — обратное самозванству. Самозванецъ тотъ, кто выдаетъ себя за другого, или разыгрываетъ неподобающую роль. Здѣсь, наоборотъ, загадочный человекъ всѣми силами старается скрыть свое происхожденіе, свою бывшую жизнь и не претендуетъ ни на какую роль.

Въ нашу задачу сейчасъ не входитъ ни критика двухъ диаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія, ни примиреніе ихъ. Намъ въ данномъ случаѣ больше интересуеъ психологическое и моральное происхожденіе легенды, возникшей раньше того, какъ подошли къ ней историки, вооруженные фактическими данными и располагающіе безчисленнымъ множествомъ историческихъ матеріаловъ.

Вѣдь легенда объ императорѣ, добровольно ушедшемъ въ Сибирь замаливать грѣхъ, и о похороненномъ подъ видомъ императора неизвѣстномъ солдатѣ родилась не у историковъ, а среди народа, на второй же, пожалуй, день послѣ кончины императора.

Правда, народъ, безымянная масса, породившій легенду, ничего не зналъ изъ того, что было извѣстно лишь очень близкому къ императору кругу лицъ и что потомъ стало извѣстно историкамъ и изслѣдователямъ.

Это впослѣдствіи историкамъ, а не народу стало извѣстно, что императоръ Александръ тяготился бременемъ царской власти и мечталъ „объ отставкѣ“ отъ державоправленія.

Простому народу, создавшему легенду, не было извѣстно, что въ 1817 г. 8 сентября въ разговорѣ объ обязанностяхъ людей и монарховъ императоръ Александръ сказалъ: „Императоръ долженъ оставаться на своемъ посту только до тѣхъ поръ, пока его физическія силы позволяютъ. По прошествіи этого срока онъ долженъ удалиться. Пока я чувствую себя хорошо, но черезъ 10 — 15 лѣтъ, когда мнѣ будетъ 50 лѣтъ, то...“ Что? — осталось въ видѣ фигуры умолчанія.

Лѣтомъ 1819 г. въ Красномъ Селѣ, за бесѣдой съ братомъ Николаемъ и его супругой, императоръ Александръ заявилъ неожиданно: „Что касается меня, то я рѣшилъ сложить съ себя обязанности и удалиться отъ міра“.

Въ томъ же 1819 г., въ бытность свою въ Варшавѣ, императоръ сказалъ вел. кн. Константину Николаевичу: „Я усталъ и не въ силахъ носить тягость правительства, я предупреждаю тебя для того, чтобы ты подумалъ, что тебѣ надобно будетъ дѣлать въ семь случаевъ“...

Весной 1825 года онъ снова говоритъ принцу Оранскому о своемъ желаніи уйти въ частную жизнь.

За недѣлю до своей коронаціи 15 августа 1826 года супруга императора Николая I Александра Феодоровна занесла въ свой дневникъ, что ей говорилъ однажды императоръ Александръ: „Какъ я буду радоваться, когда увижу васъ, проходящими мимо меня, и я въ толпѣ буду кричать вамъ „ура“, размахивая своей шапкой“...

Будучи уже въ Таганрогѣ, императоръ сказалъ Остенъ-Сакену: „Надо, чтобы переходъ къ частной жизни не былъ рѣзокъ, я скоро переселюсь въ Крымъ и буду жить частнымъ человекомъ, я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку“...

Всѣ эти мечты императора, необыкновенно скрытнаго по

натурѣ, извѣстные, повторяемъ, лишь очень ограниченному кругу близкихъ лицъ, разумеется, ни въ какой степени не были извѣстны народу. Между тѣмъ молва объ уходѣ императора и его замаскированной „подставной“ смерти родилась сразу же, — она опережала траурную процессію по пути въ Москву и какъ бы шла впереди ея. Еще гробъ съ останками не успѣлъ прибыть въ Москву, а стоустая молва разнесла по столицѣ крылатая, нивѣсть кѣмъ созданная и пущенная вѣсти о скрывшемся императорѣ, который живъ и вмѣсто котораго въ гробъ положено другое лицо.

Никакія кары и преслѣдованія противъ „смутителей“, плети, батоги, шпицрутены противъ лицъ, распространявшихъ зловредные, вызывающіе броженіе умовъ слухи, никакіе наказы и приказы властямъ и духовенству не могли осилить и убить однажды родившуюся легенду, какъ не могутъ „досконально“ опровергнуть ее ея противники — историки, вооруженные, казалось бы, „неопровержимыми“

данными, потому что фалангѣ историковъ — противниковъ легенды, противостоятъ такая же равносильная фаланга историковъ — защитниковъ легенды и тоже съ такими же неопровержимыми данными.

Такъ или иначе, но самую — то легенду создали не историки, а народъ, и только ему принадлежитъ авторство, которое безымянная масса упорно защищала, какъ нѣчто исключительно ей дорогое, отвѣчающее ея душевной настроенности.

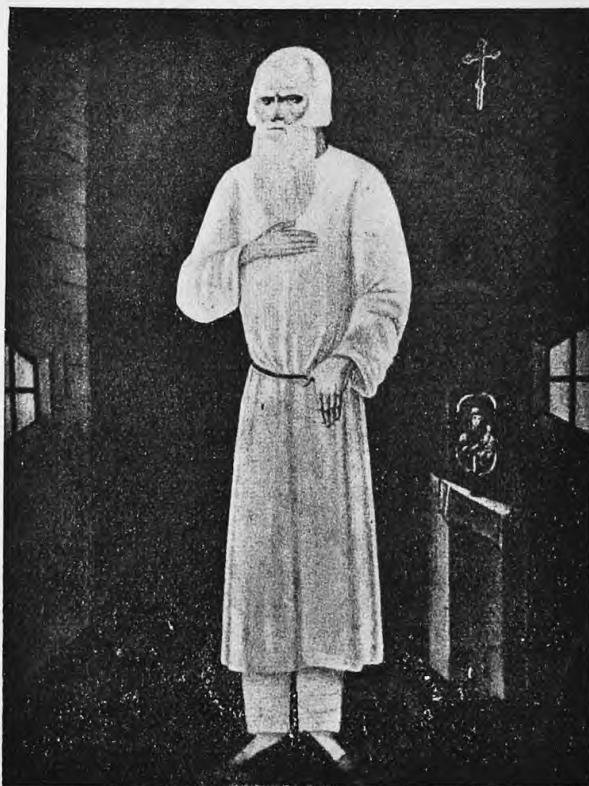
И когда черезъ восемь или десять лѣтъ, послѣ смерти императора Александра, въ Сибири появился загадочный старецъ Федоръ Кузьмичъ, народная молва, болѣе быстрая нежели современное радіо, разнесла по всей необъятной Россіи радостную вѣсти, что „императоръ сыскался“.

И на этотъ разъ народная молва не занималась научными изслѣдованіями, не сравнивала портретовъ императора съ портретами Федора Кузьмича, не

изучала ихъ почерковъ и пр. Это только для историковъ представляли интересъ такіе факты, что Федоръ Кузьмичъ имѣлъ военную осанку, отлично зналъ военную жизнь, событія изъ жизни придворнаго и великосвѣтскаго общества того времени, о кампаніи 1812 — 1814 г.г. рассказывалъ такъ, какъ могъ говорить лишь человекъ, лично участвовавшій въ ней и лично вступавшій въ Парижъ, хорошо зналъ митрополита Филарета и архимандрита Фотія, вспоминалъ Аракчеева и Кутузова и т. д., и т. д.

Народу не нужны были эти тщательно — подобранные, громоздкіе, иногда съ большой натяжкой приводимые факты, доказывающіе, что появившійся въ Сибири Федоръ Кузьмичъ именно и былъ безвѣстно исчезнувшій изъ Таганрога императоръ Александръ.

Народъ повѣрилъ въ Федора Кузьмича, какъ въ императора Александра, по своему признаку. Кѣмъ же инымъ, какъ не оставившимъ тронъ императоромъ, могъ быть этотъ без-

Старецъ Феодоръ Козьмичъ

вѣстный бродяга въ рублищѣ, который на допросѣ въ Красноуфимскѣ въ земскомъ судѣ показалъ, что онъ не помнитъ своего „родоприсхожденія съ младенчества“, по имени Федоръ Козьминъ, сынъ Козьминъ же, 70 лѣтъ отъ роду, неграмотенъ, исповѣданія греко-россійскаго, холостъ“. Кто же онъ, какъ не славный изъ славнѣйшихъ русскихъ императоровъ, который за „безписьменность“ былъ наказанъ плетью, сосланъ на поселеніе и „приговоромъ суда остался доволенъ“?

Для народа совершенно неважно, что этого битаго плетью ссыльнаго бродягу, производившаго впечатлѣніе хорошо образованнаго чловѣка, въ Тюмени на заимкѣ купца Хромова въ послѣдствіи посѣщали епископы Парфеній, Иннокентій и Афанасій, къ нему пріѣзжали знатные гвардейскіе офицеры, и онъ велъ переписку съ очень многими сильными міра сего, вроде Остенъ-Сакена, что могилу его въ оградѣ Томскаго Алексѣевского монастыря съ надписью на крестѣ: „Здѣсь погребено тѣло великаго Благословеннаго старца Федора Кузьмича“ — посѣщали высочайшія особы, а почитательница его, Александра Никифоровна, дважды ѣздила изъ Сибири въ Россію и одинъ разъ случайно видѣлась у Остенъ-Сакена съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, а второй разъ случайно — же встрѣтилась на пароходѣ во время поѣздки на Валаамъ съ императрицей Маріей Александровной (супругой Александра II).

Все это признаки, облегчающіе положеніе историковъ, сторонниковъ легенды, но совершенно безразличныя для народа, который за свою многовѣковую исторію создалъ не одну уже такую легенду и сказку о людяхъ, которымъ не по праву и не по вкусу обыденная жизнь и которые ищутъ „иного царства“ и обуреваются жаждой подвига и искупленія.

Изъ моральнаго духа народнаго эпоса, намъ кажется, выросла и легенда объ императорѣ Александрѣ, который за нѣсколько дней до своей мнимой кончины таинственно исчезъ, вмѣсто него въ гробъ положили чужое тѣло, а самъ императоръ, въ видѣ нищаго странника, ушелъ замаливать свои грѣхи и окончилъ свою жизнь въ тайгѣ Сибири...

Мы привыкли признавать только логику разума, но часто забываемъ, что есть логика сердца, которая подводитъ чловѣка къ такимъ великимъ тайнамъ жизни, какъ вина, жертва и искупленіе.

Такъ именно смотрѣлъ на легенду о Федорѣ Кузьмичѣ и графъ Л. Толстой, которому особенно былъ дорогъ народный образъ императора, ушедшаго замаливать грѣхи.

„Кто бы ни скрывался подъ именемъ отшельника Федора, — писалъ Л. Толстой вел. кн. Николаю Михайловичу, — во всякомъ случаѣ драма этой жизни очень

Н. С. Матвѣевъ. — Король Пруссій Фридрихъ-Вильгельмъ III съ сыновьями земно кланяется Москвѣ: „вотъ наша спасительница!“

родственна глубокимъ и интимнымъ стремленіямъ народной души. Пускай исторически доказана невозможность соединенія личности Александра и Кузьмича, легенда остается во всей своей красотѣ и искренности“.

Русская душа всегда страдала отъ исключительно высокой моральной оцѣнки жизни. Ничѣмъ чловѣку, разъ согрѣшившему, не искупить прошлаго, не прогнать черныхъ тѣней, не обмануть самого себя и не войти самообманомъ и самоутѣшеніемъ въ чертоги града небеснаго. Спасеніе только въ подвигѣ и искупленіи, въ монастырѣ, въ удаленіи въ пустыню, въ рублищѣ, веригахъ, въ молитвѣ, молчаніи. Это неотвратимый законъ совѣсти, категорическое требованіе духа, тоскующаго о спасеніи.

Развѣ этого тоже недостаточно, чтобы еще разъ подтвердить, что сибирскій бродяга, битый кнутомъ и сосланный на поселеніе, — императоръ Александръ Благословенный?

Мрачная трагедія въ Михайловскомъ замкѣ 11 марта 1801 года, когда императоръ Александръ явился невольнымъ отцеубійцей и соучастникомъ цареубійства; ужасы крѣпостного права съ попустительствомъ (отъ безсилія) царя; аракеевщина въ военныхъ поселеніяхъ и въ арміи, обезсмертившей себя побѣдою надъ „дванадесятью языками“ и взявшей Парижъ — и все это при царѣ-отцѣ и „ангелѣ во плоти“, какъ благоговѣйно называли солдаты любимаго императора.

Царь все видитъ, обо всемъ знаетъ, болѣетъ душой за своихъ дѣтей, которыхъ обижаютъ злые и несправедливые воеводы. Но царь безсиленъ, одному ему не по плечу борьба съ неправдой черной, и, терзаемый угрызениями совѣсти, томимый раскаяніемъ, страдающій отъ безсилія сдѣлать добро, онъ сбрасываетъ съ головы корону, одѣвается въ рублище, уходитъ „куда глаза глядятъ“, терпитъ преслѣдованіе и истязаніе и замаливаетъ свой грѣхъ и молится за народъ.

Если легенда о Федорѣ Кузьмичѣ сплошь выдумка, — то такая, которая дѣлаетъ величайшую честь русскому народному творчеству.

Стоять во главѣ громаднаго государства, быть его неограниченнымъ властелиномъ, потрясти всю Европу своими исключительными военными успѣхами, быть предметомъ зависти королей и императоровъ всей Европы, и сбросить съ себя власть и величіе, удалиться въ сибирскія тундры и чуть ли не 40 лѣтъ прожить въ полномъ уединеніи и въ неизвѣстности, — пусть это вымыселъ, но этотъ вымыселъ народнаго созданія далеко оставляетъ за собой самыя захватывающія страницы всемірной исторіи, безсмертныя творенія Софокла или Шекспира.

Ник. Бережанскій

Комета 1812 года

Издательство „ХУТОРЪ“ предполагаетъ выпустить серію брошюръ

„Казачья библіотека“.

Въ первую очередь намѣнены къ выпуску труды
В. В. Добрынина:

1. Донской календарь на 1928 г.
2. Бытовые очерки Дона.
3. Картинки изъ исторіи Дона.
4. Краткій очеркъ міровой войны.

Главная цѣль работъ В. В. Добрынина — дать казачьему читателю краткія основныя свѣдѣнія, характеризующія историческое прошлое Дона, его экономическій и культурный обликъ, бытовые особенности и связь съ Россіей.

Очеркъ міровой войны дастъ возможность ея участникамъ ознакомиться съ ходомъ важнѣйшихъ событій и уяснить лишенія, выпавшія на долю Россіи послѣ войны.

Каждая изъ остальныхъ трехъ брошюръ, объемомъ въ 32 стр. того же формата, какъ и „Донской календарь“, будетъ стоить съ пересылкой 2.50 кч. и 8 ам. цен. за границу.

„CHUTOR“, A. G. Wynnyczuk, Praha XI, 1239, Tchechoslovaquie.

„Донской календарь“ объемомъ въ 96 стр. карманнаго формата (1/32) съ пересылкой стоитъ 6 кч. — 6 фр. — 20 ам. цен. — 10 динаръ. — 2 пол. зл.

Содержаніе его: 1. Календарныя свѣдѣнія. 2. Адреса казачьихъ заграничныхъ учреждений и организаций. 3. Указатель исторической и бытовой донской литературы, литературы гражданской войны и донской печати въ прошломъ и настоящемъ. 4. Краткій историческій очеркъ Дона. 5. Географическія и статистическія данныя. 6. Напряженія Дона въ войнахъ, въ мирное время и во время міровой войны. 7. Былыя „привилегіи“ Дона и отличія. 8. Донскіе атаманы съ момента зарожденія Донского войска. 9. Важнѣйшія даты донской хронологіи (выборки изъ полной хронологіи В. В. Добрынина). 10. Сѣверо-Кавказскій край и Донская область послѣ гражданской войны.

I.

Литературный сборникъ для дѣтей
и юношества

РОДИНА

Былины, истор. пѣсни, сказка о Ершѣ Ершовичѣ, Слово о полку Игоревѣ, воззванія и грамоты Смутнаго времени, Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ—Лермонтова, Мѣдный Всадникъ—Пушкина, Сорочинская ярмарка—Гоголя, Бѣжинъ Лугъ—Тургенева и др. произведенія.

60 иллюстрацій (съ картинъ русск. художниковъ и памятниковъ русской старины) 4 цвѣт. иллюстр.-приложенія.

ЦѢНА Ls. 1.— загран. 25 ам. цент.

II.

Историческій сборникъ для
юношества

РУСЬ

Статьи и отрывки произведеній В. О. Ключевского, А. Н. Афанасьева, Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина, С. М. Соловьева, С. Ф. Платонова, А. С. Пушкина, гр. Л. Н. Толстого, Ф. Л. Достоевскаго, М. А. Погодина.

66 иллюстрацій (съ картинъ русск. художниковъ и памятниковъ русской старины) 4 цвѣт. иллюстр.-приложенія.

ЦѢНА Ls. 2.— загран. 50 ам. цент.

ИЗДАНИЕ АКЦИОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА

„САЛАМАНДРА“ Рига.

Въ издательствѣ «Мѣдный Всадникъ»

„БѢЛОЕ ДѢЛО“

Лѣтопись бѣлой борьбы

Подъ спеціальной редакціей А. А. фонъ-ЛАМПЕ,

содержащая въ себѣ матеріалы, собранныя и обработанныя барономъ П. Н. Врангелемъ, герцогомъ Г. Н. Лейхтенбергскимъ и свѣтл. княземъ А. П. Ливеномъ. Адресъ редакціи: Berlin, W. 15, Lietzenburger Str. 43 IV.

Въ 1-ой книгѣ: воспоминанія барона П. Н. Врангеля, В. В. Марушевскаго, Е. К. Смирнова, А. П. Степанова; впечатлѣнія отъ недавней нелегальной поѣздки въ Совѣтскую Россію — В. В. Шульгина, документы изъ архива генерала М. В. Алексѣева и др.

Во 2-ой книгѣ: Быховскій альбомъ (факсимиле), возникшій въ періодъ нахожденія будущихъ вождей бѣлой арміи въ Быховской тюрьмѣ; записки В. В. Марушевскаго, кубанскаго атамана А. П. Филимонова; воен. представителя въ Константинополь В. П. Агапѣева; И. Г. Акулинина — о трагич. эпоеѣ уральскаго казач. войска и др.

Въ 3-ей книгѣ: Образование Сѣверной области — С. Н. Городецкій. Годъ на Сѣверѣ (Часть III — окончаніе) — В. В. Марушевскій. Смѣшное въ страшномъ — А. П. Брагинъ. Съ Корниловымъ — С. М. Пауль. Бредовскій походъ — Б. А. Штейфонъ. Два возстанія — А. Я. Гутманъ (Анатолий Ганъ). Въ Южной Прибалтикѣ (1919 г.) — Свѣтл. князь А. П. Ливень. Передъ занятіемъ Риги — Д. Н. Потоцкій. Взрывъ порохового погреба — Г. Н. де-Тиллотъ. Въ пасти че-ка — Атаманъ Дергачъ. Рѣчь генерала Айронсайда 12-го ноября 1918 года. Бесѣда съ англ. посланникомъ Линдлеемъ. Рапортъ офицера, командированнаго 23 февраля 1920 года изъ Константинополя на Бугазъ. Письмо въ редакцію объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ выдачу адмирала Колчака.

ЦѢНА 1 дол. 75 ам. цент. за книгу.

8 г. изд.

8 г. изд.

Современныя записки.

6 томовъ въ годъ и 6 книгъ литер. приложений для годовыхъ подписчиковъ изъ списка:

К. Бальмонтъ — „Даръ земель“, И. Бунинъ — „Господинъ изъ Санъ-Франциско“, И. Бунинъ — „Чаша жизни“, И. Бунинъ — „Деревня“, А. Купринъ — „Суламифь“, Д. Мережковский — „14 декабря“, А. Толстой — „Навожденье“, А. Толстой — „Хромой баринъ“, З. Гиппиусъ — „Небесныя слова“, И. Шмелевъ — „Неупиваемая чаша“, Б. Зайцевъ — „Путники“, Н. Теффи — „Тихая заводь“, А. Купринъ — „Разказы для дѣтей, Лонгфелло — „Пѣснь о Гайаватъ“, Русскіе писатели (Фонъ-Визинъ, Капнистъ, Грибоѣдовъ; въ 1 томѣ, подъ редакціей И. Бунина).

Годовая подписка — 165 фр., внѣ Франціи 8 долл.
Administration de la Revue „Annales Contemporaines“
106 rue de la Tour Paris XVI.

„Русскій Колоколъ“

журналъ волевой идеи,

посвященный вопросамъ духовнаго и хозяйственнаго возрожденія русскаго народа.

Редакторъ — проф. И. А. ИЛЬИНЪ.

Berlin, W 15 Augsburgerstr. 56 IV verlag
„Russische Clocke“.

Цѣна № — 36 ам. ц. Подписка — 3 мѣс. 80 ам. ц.

Вышел и поступил в продажу двойной номер (XI-XII — ноябрь-декабрь 1927) в увеличенном размере (304 страницы)

ВОЛИ РОССИИ

журнала литературы, культуры и политики

под редакцией В. И. Лебедева, М. А. Слонима, Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина.

С о д е р ж а н и е :

Марина Цветаева — Октябрь в вагоне. Алексей Ремизов — Чудо о Василии. Арсений Несмелов — За 8000 верст. Гаэто Газданон — Общество восьмерки пик. К. Бальмонт — Цыганская скрипка. Глеб Гонцов — Снова по родной земле. С. Сумский — Суд над Петлюрой и Шварцбардом. Марк Слоним — Десять лет русской литературы. Д. Селиванов — Русская наука въ СССР. Ир. Церетели — Основной вопрос нашей тактики. В. В. Сухомлин — Русская революция и Европа. Е. Сталинский — Что дальше? (Юбилей и оппозиция). М. Кроль — Китайский кризис. В. Архангельский — Церковная смута и др.

Генеральный представитель для лимитрофных стран: J. Povolozky & Cie 13, Rue Bonaparte, Paris. V^{re}
Адрес конторы и редакци: »VOLJA ROSII«, Uhelný trh I. Prague. Отделения в Париже: 32 rue de Ménilmontant, Paris XX°

Цена настоящего № — 80 центов.

„ЗВЕНО“

иллюстрированный журналъ
литературы и искуc., основ.
М. М. Винаверомъ и П. Н.
Милюковымъ, выходящій
ежемесячно въ Парижѣ.

Для подписчиковъ „Послѣднихъ
Новостей“ льготныя условія.

Русскій Сокольскій Вѣстникъ.

Ежемесячный журналъ, посвященный интересамъ Русскаго Сокольства заграничей. Органъ „Союза Русскаго Сокольства заграничей“ и гимнастическаго общества „РУССКІЙ СОКОЛЬ ВЪ ПРАГѢ“

Изд. „РУССКОЙ СОКОЛЬСКОЙ МАТИЦЫ“

Заключаетъ въ себѣ статьи идеологическаго и историческаго характера, руководства для веденія гимнастическихъ занятій, а также отдѣлы гигиены и сокольской хроники.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА для

Ч. С. Р.: въ годъ 12 К. Ч., I экз. — 1.50 К. Ч.
Югославин: „ годъ 20 дин. 1 „ — 2 динара
заграницу: „ годъ 0,40 ам. дол.

Пріемъ по дѣламъ редакци по субботамъ
отъ 15 до 16 час.

Адресъ редакци: Прага III. Тыршовъ Домъ.
Администрація: Изд. „ХУТОРЪ“, А. Г. Винни-
чукъ, Ч. С. Р., Прага, Жижковъ, Ягеллонская
ул. 24, тел. 50-0-26.

Годъ изданія II.

Годъ изданія II.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на иллюстрированный литературно-публицистический
и информационный двухмѣсячный журналъ

„НА РУБЕЖѢ“

органъ Русскаго Студенчества въ Польшѣ, выхо-
дящій во Львовѣ

подъ редакціей львовской, варшавской и виленской
редакціонныхъ коллегій.

Въ вышедшихъ номерахъ принимали участіе:
М. П. Арцыбашевъ †, проф. А. А. Кизеветтеръ,
проф. С. В. Завадскій, В. Г. Федоровъ, В. Г.
Архангельскій, Б. Н. Лежневскій, А. В. Эйхенеръ,
К. И. Оленинъ, А. Май, Е. С. Колакевичъ,
Е. Скобцова, Д-ръ В. Р. Ваврикъ, Е. И. Поло-
нская, К. Е. Думанскій, В. К. Сорокина, Д-ръ
Ю. И. Демьяничъ, К. Тенукесть и др.

Цѣна отдѣльн. ном. 1 зл. 50 гр., за границ. 15 ам. цент.
№ 1 — 4, 5 зл., за границ. 50 ам. цент.

Адресъ редакціи и администраціи: Львовъ, Кур-
ковая ул. 14. Б. В. Трушъ. Журналъ продается:
во Львовѣ въ книжномъ складѣ О-на им. М. Кач-
ковского, Валовая ул. 14; въ Варшавѣ въ книж-
номъ магазинѣ „Добро“, ул. Краковское предместье
57; въ Вильнѣ въ книжномъ магазинѣ „Лекторъ“,
ул. Мишкевича 4.

еженедѣльная газета

„РОССІЯ“

въ Парижѣ

подъ ред. П. Б. Струве

Органъ національной мысли
и освободительной
борьбы.

Адресъ конторы и редакціи:
12, rue Royer-Collard, Paris (5.)

Требуйте во всѣхъ кіоскахъ.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

ОРГАНЪ НЕЗАВИСИМОЙ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ
НАИБОЛѢЕ РАСПРОСТРАНЕННАЯ ЗА РУБЕЖОМЪ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
3-й годъ изданія 2, rue de Sèze, Paris IX, France.

Редакторъ: Ю. Ф. СЕМЕНОВЪ.

Справочный отдѣлъ при газетѣ обслуживаетъ русскихъ бесплатно.

Книжный магазинъ при газетѣ выполняетъ заказы на всѣ заграничныя изданія.

Издательскій отдѣлъ при газетѣ уже выпустилъ цѣлый рядъ книгъ: Ив. Шмелевъ. Солнце мертвыхъ, Человѣкъ
изъ ресторана, Стенное чудо. Ген. П. А. Половцовъ. Дни затмѣнія. Евг. Чириковъ. Мой романъ. В. Новиковъ.
Фашизмъ. Бор. Суворинъ. Фазанъ. Илья Сургучевъ. Эмигрантскіе рассказы.

Представительство газеты „Возрожденіе“

Латвія M-r Petzholz. 16, Skūpu ielā, Rīgā.

Литва B-ve „Spauda“, Laisvės Aleja 76, Kaunas.

Финляндія Herrin Tavaststjerna, Östre Brunnsparken 22, lok 7, Helsingfors.

Эстонія M-r Tobon, Goldschmiedestr. 8, Tallinn.

Цѣна подписки съ 1 и 16 числа каждаго мѣсяца:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.
Латвія	4 lat	9 lat	16 lat	30 lat
Литва	8 lit	20 lit	35 lit	65 lit
Финляндія	35 mrk	80 mrk	150 mrk	275 mrk
Эстонія	300 mrk	700 mrk	1300 mrk	2500 mrk

Не откладывая, сейчасъ же спѣшите подписаться на Возрожденіе, которое будете получать еже-
дневно непосредственно изъ Парижа.

Если вы въ дорогѣ Русское націон. дѣло, привлекайте среди вашихъ друзей и знакомыхъ подписчиковъ.

Нужны энергичные агенты по сбору объявленій и распространенію газеты.

Условія высылаются по первому требованію.

Издание Анц. Общ. Печат. Дѣла „САЛАМАНДРА“
 Latvija Riga, L. Kalēju ielā 43. Парижъ (XVI) 20 rue Raynouard; Харбинъ —
 New-Town, p. b. 6 — И. А. Глѣбовъ; Нью-Йоркъ — Central Book Trading Company
 239 East 10 th. Str.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ „ПЕРЕЗВОНЫ“

ВЫХОДИТЬ 1 РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ

СОТРУДНИКИ: М. А. Алдановъ, Мих. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. Г. Бере-
 жанский, проф. Бердяевъ, И. А. Бунинъ, Н. Н. Бѣлоцѣтовъ,
 кн. С. М. Волконскій, Ю. Галичъ, Г. Гребеншиковъ, О. Далматова, А. Даманская, Бор. Зайцевъ,
 Евг. А. Зноско-Боровскій, Л. Ф. Зуровъ, П. Н. Красновъ, А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лу-
 кашъ, Д. С. Мережковский, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, Мих. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ,
 Н. Рошинъ, Н. А. Тэффи, Л. Столица, И. Сургучевъ, В. Ф. Ходасевичъ, А. Черный, Евг. Н. Чи-
 риковъ, Марина Цветаева, И. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ, А. Ѳедоровъ, Худ. акад. Н. П. Богдановъ-
 Бѣляевъ, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандъ, Ю. Г. Рыковский и друг.

№ 1 посвященъ С. А. Виноградову; № 2 — Н. П. Богданову-
 Бѣльскому; № 3 — М. В. Нестерову; № 4 — К. А. Коровину;
 № 5 — древне-русскому зодчеству; № 6 — В. М. Васнецову;
 № 7/8 — изображеніямъ Богоматери и Св. Младенца въ искусствѣ;
 № 9 — А. М. Васнецову; № 10 — М. В. Добужинскому;
 № 11 — И. И. Левитану; № 12 — В. В. Верещагину; № 13 —
 Н. К. Рериху; № 14 — Б. М. Кустодіеву; № 15 — стариннымъ
 усадьбамъ „подмосковнымъ“; № 16 — И. К. Айвазовскому и
 Ю. П. Анненкову; № 17 — В. Е. Маковскому и К. В.
 Дылышко; № 18 — В. Г. Пурвиту; № 19 — Пасхальный;
 № 20 — посвященъ „Дню Русской Культуры“; № 21 —
 Я. Розенталю; № 22 — В. И. Сурикову и подмосковнымъ;
 № 23 — А. И. Куинджи; № 24 посвященъ стар. Петербургу;
 № 25 посвященъ Эрмитажу; № 26 — передвижникамъ и
 новѣйшимъ работамъ академиковъ Н. П. Богданова-Бѣль-
 скаго и С. А. Виноградова; № 27 — Рождественскимъ святоч-
 нымъ мотивамъ въ искусствѣ; № 28 — Москвѣ; № 29 — И. Е. Рѣпину;
 № 30 — В. Д. Полѣнову и И. М. Прянишникову; № 31 —
 Балканской освободительной войнѣ; № 32 Великому Нов-
 городу и Пскову ко Дню Русской Культуры; № 33 В. Г. Перову;
 № 34 — Волгѣ; № 35 — Кіеву; № 36 — В. А. Сѣрову; № 37 —
 А. Г. Венецианову и П. А. Ѳедотову; № 38 — Крыму; № 39 —
 Отечественной войнѣ 1812 г.

Въ каждомъ ном. 3—4 цѣбныхъ репродукціи, много иллюстр. въ текстѣ.
 Обложка раб. М. Добужинскаго.

Цѣна ном., начиная съ № 14 — въ Латвіи 50 руб., заграничей 25 ам. деит.

	Въ Латвіи	Въ Литвѣ	Въ Эстоніи	Заграничей
Комплектъ 1925 г. № № 1—8	6 латовъ	15 литовъ	500 эст. мар.	1 долл. 50 цент. ам.
Комплектъ за 1-ое полугодіе 1926 г. № № 9—21	12 латовъ	30 литовъ	1000 эст. мар.	3 амер. долл.
За 2-ое полугодіе № № 22—27	6 латовъ	15 литовъ	500 эст. мар.	1 дол. 50 цен.
Комплектъ 1927 г. № № 28—39	12 латовъ	30 литовъ	1000 эст. мар.	3 амер. долл.

Въ изданныхъ колленкорovýchъ переплотахъ — каждый комплектъ 1926 г. и комплектъ 1925 г.
 на 2 Лз. дорожке (50 ам. деит.)

Плата можетъ быть внесена во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почт. тек. счетъ № 916
 Riga, Post-Schek Conto № 916.

Подписчики, желающие получить журналъ заказной бандеролью,
 приплачиваютъ 5 американскихъ деитовъ за № (въ Латвіи 25 сант.)

Комплекты „Юного Читателя“ за 1926 г. (24 книги съ приложеніями) — 12 латовъ (30 литовъ,
 1000 эст. мар., 3 амер. доллара). Въ изданіи переплотахъ № № 1—6 — 1 дол. (въ Латвіи 4 лата).
 № № 7—12 — 1 дол. („ 4 лата).